МИР КАЛЕВАЛЫ

Сборник
Евгений Валентинович Лукин
Мир Калевалы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48575474
Мир Калевалы. Сборник / Ред.-сост. Е. В. Лукин: Скифия; Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-00025-172-0

Аннотация

В сборник «Мир Калевалы» вошли произведения 50 авторов – поэтов и писателей, фольклористов и ученых из Бельгии, Израиля, России и Финляндии. Сборник посвящен 170-летию со дня выхода в свет окончательного варианта карело-финской эпической песни «Калевала», созданной великим финским ученым Элиасом Лённротом на основе собранных им древних рун.

Содержание

Подвиг Элиаса Лённрота 5
Русская Калевала 10
Мир Калевалы 10
Из детства 13
«Мы хмурым вечером пошли через болото…» 15
Калевальские мотивы 17
Детство 20
Возвращение Калевалы 21
Молитва 25
Вечер года 27
«Калевала»: авторское видение 29
Подражание калевальскому 62
Влад и Хийси 64
Память о Калевала 68
Заколдованная Лоухи 71
Река Туонела 72
Воспоминание о Калевале 73
В поисках страны Калевалы 81
В сетях Калевалы 97
Калевала для ленивых 102
Kalevala för Lata 106
Завет блаженного Магнуса 110
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Мир Калевалы
Редактор-составитель
Евгений Лукин

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Правительства Санкт-Петербурга

В оформлении обложки использована картина художника Юрия Зверлина «Битва за Сампо»

Подвиг Элиаса Лённрота

В 2019 году исполняется 170 лет со дня издания окончательного варианта блистательного произведения карело-финской литературы – эпической поэмы «Калевала». Поэма была создана талантливым ученым-лингвистом Элиасом Лённротом (1802–1884) на основе старинных карельских и финских народных песен. На протяжении многих лет он собирал эти песни, совершая свой незаметный, но великий подвиг.

Элиас Лённрот родился в финском городке Саммати. Отец его занимался портняжничеством. Семья была очень бедной, и с малых лет мальчик был вынужден трудиться. Порой ему приходилось зарабатывать на хлеб даже песнями в деревнях. Несмотря на небывалую нужду, упорный юноша сумел осуществить мечту – поступить в университет в городе Або, ныне Турку. Лённрот поступил туда в 1822 году. Тогда не существовало кафедры филологии, поэтому молодой человек не смог изучать финский язык и литературу. Он решил стать врачом и, окончив медицинский факультет, впоследствии занимался врачебной практикой всю жизнь.

Однако подлинной страстью Лённрота стал фольклор. Еще в университете он защитил диссертацию на латинском языке на тему «Вяйнемейнен – бог древних финнов». Получив должность районного врача в небольшом городке Ка-

яани (Восточная Финляндия), он увлекся собиранием древних эпических рун, пословиц и поговорок. Этим занятиям он посвящал все свое свободное время. А во время отпусков отправлялся в путешествия по финской и русской Карелии. Эти путешествия он совершал один, нередко подвергаясь опасности.

В первую поездку, совершенную летом 1828 года, Лённрот посетил русскую Карелию – Приладожье и остров Валаам, где побывал в знаменитом Валаамском Спасо-Преображенском монастыре и на местном кладбище с могилой шведского короля Магнуса, ставшего схимонахом Григорием. По итогам этой поездки ученый издал сборник «Кантеле», который содержал *до* рун старинной метрики и 20 новых песен. Немало строк, что встречаются в сборнике, Лённрот позднее перенес в текст «Калева-лы».

Последующие фольклорные экспедиции оказались еще более плодотворными. Молодой ученый обошел многие *глухие* уголки Русского Севера. Здесь Лённрот встречался с известными карельскими рунопевцами – Архипом Перттуненом и Ваассилой Каелевяйненом, от которых записывал руны и старинные финские песни.

За пятнадцать лет своих экспедиций Лённрот прошел пешком или проплыл на лодке путь, равный расстоянию от Хельсинки до Южного полюса. Крайними точками его путешествий оказались Печенга, Архангельск, Петрозаводск, Беломорье, Эстония и Ингрия. В 1844 году, возвращаясь пеш-

ком из Тарту в Хельсинки через Петербург, он записал местный ижорский фольклор в селении Котлы, что находилось в Ямбургском уезде.

Дальние походы Лённрот успешно сочетал с напряженной работой за письменным столом. Собранные руны он поэтически переосмыслял и гармонично объединял в цельную эпическую поэму «Калевала». Ее первое издание состоялось в 1835 ГОДУ? а спустя четырнадцать лет, в 1849 году, вышел и окончательный вариант главного произведения карело-финской литературы.

Гениальный труд Элиаса Лённрота обрел широкое признание. Современники по праву ставили «Калевалу» в один ряд с «Илиадой» и «Одиссеей», «Песней о Нибелунгах» и «Старшей Эддой». В 1850 году ученый стал почетным членом Берлинской Королевской академии наук. В1853 году его пригласили в Гельсингфорский университет на должность профессора финского языка и литературы. Спустя шесть лет избрали почетным членом Венгерской академии наук. А в 1876 году Элиас Лённрот был торжественно избран почетным академиком Императорской академии наук. Этому успеху финского ученого искренне радовались его русские друзья – известные литераторы Яков Грот и Петр Плетнев.

Финляндия вошла в состав Российской империи в начале XIX века как Великое княжество Финляндское. Благодаря полученным правам широкой автономии в стране начался процесс государственного строительства, который вклю-

чал и формирование национального самосознания. Публикация эпической поэмы «Калевала» удостоверяла, что финский народ постепенно начал обретать свою национальную идентичность. Элиас Лённрот подарил финнам свою древнюю историю, подарил им славное героическое прошлое, а значит и достойное грядущее.

Не случайно последняя песнь поэмы завершалась знаменательным событием – дева Марьятта чудесно рожает младенца, которого тут же нарекают «королем Кале-валы». Увидев это, бывший вождь Вяйнемейнен навсегда покидает родную землю. Нетрудно догадаться, что перед нами – символическая картина перехода от языческих времен к светлому христианскому бытию.

* * *

Сборник «Мир Калевалы» посвящен 170-летию со дня публикации окончательного варианта великой эпической поэмы «Калевала». Элиас Лённрот создал ее на основе тех древних рун, которые собрал во время путешествий по северным карельским землям. Именно поэтому в сборнике приняли участие 50 поэтов и писателей, фольклористов и ученых из самых разных городов России и Финляндии. К ним присоединились авторы из Бельгии и Израиля. Это значит, что удивительный карело-финский эпос служит благородному делу объединения народов. Авторы сборника, со-

здавая свои произведения по мотивам «Калевалы», тем самым воздают должное великому подвигу великого финского ученого Элиаса Лённрота.

Евгений Лукин,
Санкт-Петербург

Русская Калевала

Мир Калевалы

Михаил Аникин
(Санкт-Петербург)

Помню, как солнце вставало,
Мир согревая кузнечным теплом.
Все в этот миг оживало
Под светозарным лучом.

Многое помню из детства,
Мне его не позабыть…
Тропка лесная – в наследство,
Можно ль ее не любить?

Шел я по ней, собирая
Белых грибов хоровод.
Славься, отчизна родная,
Славься, великий народ!

Сопки и скалы, и вереск,
Финского берега даль…
Чем это можно измерить,
Как успокоить печаль?

Разве стихом Калевалы,
Русскою песней родной?
Жизнь отошла, отыграла
Невской холодной волной.

Только и нынче, как раньше,
Луч светозарный горит…
Плуг все тоскует о пашне,
Север о юге скорбит.

Мир Калевалы не умер,
Многое переживет,
В сердце звучит, словно зуммер,
К истине вечной
Зовет!

«В детстве читал «Калевалу»…»

В детстве читал «Калевалу»,
В детстве – бродил по песку…
Память туда зазывала,
Где не пройти старику.

Был молодым и здоровым,
Шел сквозь торосы легко…

Словно волшебное слово
Солнце текло высоко.

Словно стекло, лучезарны,
Дали сквозь годы влекли…
Где вы мои «Несмеяны»,
Где вы, мои корабли?

Сосны и скалы – все те же,
Солнце все так же парит….
Только мечтаю все реже.
Сердце о жизни
Болит!

Из детства

Павел Алексеев

(Петергоф)

Мама! Мамочка!
Что? Что случилось?
Плохо мне. Плохо!
Огонь. Огонь. Кругом всполохи рвутся, мечутся, обжигают,
закручиваются вихрями. Рвут темноту на куски. Пот. Жар.
Все разбросано. Смерч. Стихия. Пламя гудит, устремляясь
вверх. Ревет. Пространство изменяет себе, себя. Не на что
опереться взгляду. Ураган.
Чернота сталкивается с огнем. Пожарище. Шипение. Пар.
Холод. Озноб. И снова волны огня накатывают. И я тону, тону, погружаясь.
Забвение. Тьма.
И вдруг раздается едва слышный голос. Голос?
Пение.
Песня. Да!
Это руна Вяйнемёйнена.
Он поет, и голос рушит наважденья и туманы.

Он идет сквозь мрак и пламя, сквозь дожди и ураганы.
Тише, тише плещут волны, и огонь покойней, вроде.
Старый, верный Вяйнемёйнен говорит с огнем и стужей.
И с водою говорит.
Женский голос что-то шепчет, недоволен отвечает:
– Не отдам тебе мальчишку. Он скорее тут утонет.
Но смеется Вяйнемёйнен, говорит еще три слова.
И рождается лодчонка. И плывет челнок сквозь воды,
сквозь проливы Тоунелы.
Я лежу на дне той лодки.
И выводит Вяйнемёйнен к берегам родимым нас.
Мама, мама мне не верит.
Улыбается, смеется.
Гладит, плотно укрывает
и уходит по делам.
Я смотрю, а у кровати распахнула гладь страница старой книги «Калевала».
А на ней мне Вяйнемёйнен машет, машет, ухмыляясь.
Не расскажем нашу тайну,
не расскажем никому,
как избавил от болезни старый, добрый Вяйнемёйнен.
Вон и солнце за окном!

«Мы хмурым вечером пошли через болото…»

Татьяна Алферова
(Санкт-Петербург)

Мы хмурым вечером пошли через болото.
Цвел вереск, клюква нежилась во мху,
и впечатлений свежих позолота
неспешно превращалась в шелуху:
как заблудились, как грибы искали,
как пел ручей под соснами внизу,
где берег сумрачный, летя по вертикали,
пронзал небес сырую бирюзу.
Но озеро в болоте как посредник
меж мифами и нами пролегло.
Старуха Лоухи, узорчатый передник
макая в это темное стекло,
изламывала отраженья сосен,
высвечивала ягельником тень,
напоминала – осень, скоро осень,
и месяц август проходил как день.
Я соглашалась – осень скоро, скоро,
и молодость прошла, июль прошел…
Как трепетал в лесу за косогором
его коротких дней неяркий шелк!
Но все казалось – небылое рядом,

мы молоды, мы счастливы сейчас,
а гром вдали катился виноградом,
сомнением сочась.

Калевальские мотивы

Мария Амфилохиева
(Санкт-Петербург)

Вяйнемёйнен вещий
Заклинанья мещет,
Вяйнемёйнен старый
Не находит пары…

Тридцать лет во чреве девы
Вяйне по морю носился
Он, когда на свет родился,
Знал священные напевы.
И еще лет двадцать с гаком
В водах безначальных плавал,
И о нем гремела слава
По горам да буеракам.

С бородою долгой белой
Наконец пришел он к людям.
Помогал средь трудных буден,
И в руках кипело дело.
Слушались его березы,
Племена пред ним склонялись,
Лишь одна свербила малость,
Мучили ночные грезы.

Те желания однажды
Воплотились в милой Айно.
Потрясен черезвычайно
Был он, как мужчина каждый.
И, к любви большой готовый,
Сватался он неотложно.
Да к тому ж неосторожно
Айно брат дал старцу слово.

Но судьба была печальна,
Мы о том доселе тужим:
Не желая старца мужем,
В бездну вод уходит Айно…

Не любовью, а корыстью
Иль политикой влекомый,
Вяйне снова прочь от дома
В Похъёлу несется рысью.

Красотой другой невесты
Лишь успел он восхититься,
Понеслось желанье птицей…
Но и тут нет Вяйне места,
Потому что Сампо сделать
Только Ильмаринен может.
Знать, и эта дева тоже
Бороде не дастся белой.

Сядь же ты под дряхлой елью,
Струны кантеле тревожа.
Быть судьба такою может:
На чужом пиру похмелье…

Знают все в народе строгом
Смысл печальной этой сказки:
Или мудрость, или ласки —
Так завещано от Бога…

Вяйнемяйнен вещий
Заклинанья мещет,
Вяйнемёйнен старый
Не находит пары…

Детство

Алексей Ахматов
(Комарово)

Карело-финский эпос Калевала
Упорно не давался мне сначала,

Казалась скучной северная лира,
Не потрясало сотворенье мира,

Пока в той книжке на картинке Айно
Меня не увлекла чрезвычайно.

Ее забыть не в силах до сих пор,
Изгибы тела, страха полный взор.

С полсотни рун я как единый текст
Преодолел тогда в один присест.

Так Галлен-Каллела кистями спас
Перо, что мучил Лённрот Эллиас

Возвращение Калевалы

Наталия Берзина
(Санкт-Петербург)

Шел пятьдесят третий год. В США Дуайт Эйзенхауэр сменил на посту президента Гарри Трумэна, в Египте приняли конституцию, в Аргентине перед дворцом Хуана Пе-рона в Буэнос-Айресе взорвали бомбу. В СССР умер Сталин. А трехлетней Вале из поселка Васкелово подарили книгу «Калевала».

Красивая большеформатная книга в коричневом ледериновом переплете стала в семье настоящей ценностью.

Книг тогда было мало. Радио в поселке не было. О телевизоре даже не мечтали. Новости узнавали из газет и от соседей.

В то время читать сама Валя еще не научилась. Но с большим интересом под керосиновой лампой рассматривала иллюстрации. Рисунки художника Николая Кочергина заполняли воображение сказочными образами и переносили девочку из дома в волшебный мир Калевалы.

Рассказы из карело-финского эпоса Вале вечерами читали родители.

Мудрый Вяйнемёйнен, отважный Илмаринен, веселый Лемминкяйнен, злая старуха Лоухи и красавица Севера –

дочь хозяйки Похъёлы – будто оживали, готовые сойти со страниц книги на усеянную первыми весенними ветреницами землю поселка Васкелово.

В шестьдесят первом году Гагарин полетел в космос. А в Васкелово провели электричество. Примечательно, что этот поселок, населенный с давних времен – первые упоминания о нем содержатся в Писцовой книге Водской пятины в XV веке, – расположен отнюдь не в сибирской тайге, а всего в пятидесяти километрах от Ленинграда.

Электрификация проходила непросто. Сельчане должны были внести плату за подключение. Жили трудно. Средств не хватало. Но на такое дело в итоге их, конечно же, изыскали. И однажды в доме загорелся электрический свет! Теперь не надо было опасаться, что пламя керосиновой лампы задует ветер от сквозняка или лопнет стекло, или утром из рук выскользнет спичечный коробок и придется искать его впотьмах, чтобы поджечь фитиль… Теперь живи да радуйся!

Приходя со школы, Валя спешила управиться по хозяйству и сделать уроки, а в остаток вечера садилась читать. Нередко брала в руки и любимую книгу, с удовольствием пролистывая знакомые страницы.

Но вскоре Валиной семье пришлось на время покинуть свой дом.

Когда же через несколько месяцев хозяева вернулись, все вроде бы нашли на своих местах. Только книги не было. Не нашли как ни искали. Узнали потом, что сосед, присматри-

вающий за хозяйством, взял почитать своим детям, да так и не вернул…

Через несколько лет Валентина закончила университет, стала инженером-конструктором. В ее жизнь пришло много книг – самых разных. Но то прекрасное издание

Калевалы своего детства она не могла забыть долгие годы. Часто вспоминала рисунки, чтение родителей под керосиновой лампой темными вечерами… Новые издания были хороши, пахли свежей полиграфией, удобно вставали на полку шкафа. Но той книги детства все равно не хватало.

Шли годы. И однажды книга все же вернулась к своей владелице.

Здесь, пожалуй, напрашивается история о необычайном стечении обстоятельств и удивительной судьбоносной встрече, в центре которой должна неожиданно появиться книга…

Но ничего подобного не произошло.

Просто тиражи в Советском Союзе были огромными.

В пятьдесят третьем году типография Полиграфиздата в Сортавале отпечатала семьдесят пять тысяч (!) экземпляров Калевалы. На переплете тиснением проставлена цена – 4 рубля 30 копеек, сделавшая издание доступным для читателей. В результате книга пошла в народ. Благодарю этому и сейчас, спустя более полувека, букинистическое издание можно найти в продаже.

После оформления заказа в два часа ночи через интернет-магазин в два часа дня этих же суток в телефоне просиг-

налило сообщение: «Ваш заказ готов к выдаче».

Вечером мы всей семьей пили чай и читали Калевалу.

Молитва

Александр ВОЛКОВ
(Петрозаводск)

Слово лучшее в сердце оставлю
и молитвою дух растревожу,
и родимую землю восславлю:
помоги ей, о Господи Боже!

Пусть в озера ее на рассвете
вечно смотрятся ели сторожко,
свежей рыбою полнятся сети,
а болотные кочки морошкой.

Ей, политой и потом, и кровью,
на планете нет места иного…
Да звенит над родительской кровлей
вековое карельское слово!

Будут вечно хранимы народом
«Калевалы» старинные руны!
И под чистым ее небосводом
да не рвутся у кантеле струны…

Перевод с карельского А. Расторгуева

Перевод с карельского А. Расторгуева

Вечер года

Константин Гнетнев
(Петрозаводск)

С высокого автомобильного моста через Лососинку в самом центре Петрозаводска все лето наблюдаю за утиным выводком. Восемь утят высидела большая серая утка в этом году. Утята уже через неделю громко кричали, гонялись друг за другом, стуча по воде тонкими крылышками.

К середине июля в выводке осталось только пять утят.

Теперь поздний осенний вечер. Долго ищу глазами знакомую стайку на нешироком речном разливе. Шуршат за спиной равнодушные автомобили. Маслянисто отсвечивает ранними огоньками асфальт, – от него резко пахнет нефтью и выхлопной гарью. Наконец на гребне полу-затонувшей коряги замечаю знакомые утиные силуэты. Повзрослевшие птицы сидят неподвижно, втянув головы. С горечью замечаю, что их теперь только пара…

Я знаю, что они вряд ли улетят на юг вместе со своими дикими сородичами, что живут в речных верховьях и на лесных озерах. Как и я, они теперь городские. Утки и зимой станут жить в городском центре, перелетая из одной полыньи в другую. А дети *будут* приводить родителей и радостно кричать: «Мама, мама. Посмотри, птички купаются!» А те, кто

постарше, непременно спросят, почему им не холодно. Родители почти никогда не отвечают на этот вопрос. Они просто не знают правильного ответа.

А пока только осень. Сумерки опускаются на вечерний город. Наверное, и я сегодня похож на старую утку с Лососинки. Мне тоже хочется втянуть голову в плечи и думать о минувшем лете и обо всем, что было.

Я представляю себе мой город, вобравший в муравейники домов, в театры, музеи, библиотеки и магазины сотни тысяч разных людей. Город работает и учится, развлекается и любит. Город живет надеждой, что записана в рунах древней «Калевалы». А надежда заключается в Сампо, в древней волшебной мельнице, что подарит всем счастливую жизнь, стоит только ее построить.

Мы не построили пока Сампо, хотя и очень старались. У кузнеца Илмаринена на фронтоне Национального театра даже повязка на лбу от пота промокла. Но нам без волшебной мельницы никак нельзя, и мы ее непременно построим. Может, это случится уже завтра или будущим летом.

Вечер это итог дня. Также, впрочем, как осень итог года, а старость – всей жизни.

Это пора раздумий.

Я стою у перил автомобильного моста над тускнеющей в сумерках водой и вместе с двумя утками на речной коряге думаю о большом городе и о своей жизни.

«Калевала»: авторское видение

Вера Ефимова
(Приозерск)

В 1828 году врач хирург и филолог Элиас Лённрот отправился странствовать по глухим карельским деревушкам, чтобы среди обычных крестьянских тружеников отыскать тех, кто знает, помнит и поет древние финские руны. Затем он продолжил свое путешествие по российской Карелии и только в 1834 году увенчал наиболее плодотворным сбором рун в тогдашней Архангельской губернии (округе Вуоккиниеми). Сейчас это Калевальский район Карелии.

Автор этой статьи считает «Калевалу» изумительным памятником народного стихосложения, собранным подвижническим трудом Элиаса Лённрота.

В 1835 году Лённрот издал всего 32 руны и только в декабре 1849 года «Калевала» вышла более полным изданием, являясь настоящим событием не только для финского народа, она вошла в сокровищницу мировой литературы.

«Что такое «Калевала»? – пишет русский ученый В. А. Гордлевский, хорошо знавший финскую литературу, и продолжает: – Представляет ли она народную поэму, созданную пером Лённрота, в духе народных певцов, или это искусственная амальгама, слепленная самим Лённро-том из раз-

ных обрывков..?»

Кропотливое исследование, которое произвел А. Ниеми, показало, что огромное большинство стихов (94 %) вышло из уст народа.

Итак, «Калевала» – народный эпос, подобный «Илиаде» и «Одиссее» по характеру своего возникновения. А вечно молодой старец Вяйнемёйнен – герой Финляндии, которому ни возраст и ничто другое не помешало свататься к молодой красавице. Правда, любопытно? Он – народный песнопевец, только финский Орфей.

Ритм и язык такого литературного произведения, каким является «Песнь о Гайавате», автором которого является Лонгфелло, показывает, что и тут не обошлось без заметного воздействия и влияния «Калевалы».

«Калевала» – это литературный памятник, значение которого трудно переоценить. Каждый образ поэмы живет своей яркой индивидуальной жизнью. Это точно выписанные характеры и даже психологические портреты. Почему-то герои Калевалы сватаются к красивым, но злым дочерям Лохи. Все, как в жизни. В погоне за красотой кто не совершает серьезных ошибок? В эпосе представлены сцены разыгравшихся стихий, а также удивительно точные описания прекрасной северной природы. Это открытие железа – чрезвычайно значимое событие в истории человечества. Всеми своими рунами эпос вращается вокруг борьбы за некое таинственное Сампо. В эпосе Сампо – мельница, но с нею

олицетворяется благосостояние народа, поэтому справедливо предположить, что Сампо – это некий удивительный артефакт. Никак не удавалось кузнецу Ильмаринену сразу выковать желаемое. То лук, требующий жертв, получился, то ленивая корова, то плуг, претендующий на чужие земли… И только в пятый раз он выковывает то, что надо. Мне же хочется указать на особую чуткость и человечность, на то, что Сампо должна была быть созидательна, а не разрушительна и своим создателем делалась исключительно во благо.

Я не буду в этой статье приводить все имеющиеся на этот счет мнения, с которыми читатель может ознакомиться сам, заглянув в другие источники, здесь я привожу именно свое предположение.

Сам Лённрот «просил не делать строгого различия между первоначальными и позднейшими рунами и считать древнейшие руны семенами, из которых в течение столетий, а может и тысячелетий, выросла нынешняя жатва рун» (Издательство М. и С. Сабашниковых, 1915 год). Так или иначе, но народный эпос «Калевала» – это высокая поэзия!

К сожалению, не все руны вошли в «Калевалу». Есть и неопубликованные, с их восхитительным мифологизмом и сказочно-легендарным богатством. Также с интересной игрой слов.

Должна сказать, что финская поэзия очень трудна для перевода. Не однажды я с этим столкнулась, переводя финскую поэзию на русский язык. Сложно сохранить мелодичность

языка, сохраняя смысловую составляющую, поэтому неудивительно, что первые переводы «Калева-лы» были неудачными. И только замечательный филолог Л. П. Бельский сумел перевести финский эпос должным образом, за что и был удостоен малой Пушкинской премии. Но и у него не все получилось. Именно благодаря Л. П. Бельскому русский читатель имеет возможность прочитать и оценить красоту и эпичность «Калевалы».

Несколько раз в своем творчестве упоминает о «Кале-вале» Алексей Максимович Горький.

Я же, как автор, опираясь на эпос «Калевала», старалась уяснить для себя, что представляли собой древние народы угро-финской группы, каков был их быт. Что представлял собою их жизненный уклад, каковы были их ценности, что для них было значимо и дорого, а также то, что мне показалось интересным и необычным.

Получилось ли? Не знаю. Однозначно, решать не мне.

Так сложилось, что одна моя бабушка была христианка, а другая лютеранка. У одной бабушки повсюду висели иконы, а у другой только небольшое распятие на круглом столике. Одна говорила на русском, а другая на финском. Что же касается меня, то я старалась почерпнуть знания об интересующем меня народе из разных литературных источников, в том числе и из «Калевалы».

Карелию я обожаю и особенно выделяю дорогой моему сердцу небольшой поселок в Муезерском районе по назва-

нию Пенинга. Тут есть описываемые в эпосе лесные чащобы и реки и болота, и могучие скалы, и бесчисленные озера. Край восхитительный и благодатный!

Светлая страна – Калева, или Калевала, является самой южной и прекрасной территорией, где живут герои эпоса. Для себя я это место определила как территорию Ленинградской области, тем более что весельчак Лемминкяйнен привез молодую жену в район… где-то около Ижоры. Есть и северная часть пространства – мрачная страна Похъёла, где властвует злая старуха Лоухи. Есть и царство Туони, Туонелла – обиталище мертвых, где люди находят свою кончину в черных реках.

В книге ученого и писателя В. О. Ключевского, автора «Исторических портретов», сказано: «Финны, по нашей летописи, являются соседями восточных славян с тех самых пор, как последние начали расселяться по нашей равнине. Финские племена водворялись среди лесов и болот Центральной и Северной России еще в то время, когда здесь не заметно было никаких следов присутствия славян».

Уже Иордан (историк 6 в. н. э., по происхождению алан или гот). Он автор сочинения «О происхождении и истории готов» 551 г. и знал некоторые из этих племен.

Возьму на себя смелость утверждать, что быт карел, эстонцев и финнов в основном схож и по сей день. Как народный эпос «Калевала» веками передавался «из уст в уста»,

так народом бережно хранились обычаи и жизненный уклад, оставленные в наследство предками. Народы финно-угорской группы не склонны вообще безоглядно принимать что-то на веру или следовать чему либо, пока не убедятся и не удостоверятся, что предлагаемые им условия – лучше тех, что они уже имеют.

Народы угро-финской группы поклонялись богам, духам и предкам. Пример: Луна и нарождающийся месяц племя почитало как некое божество. Увидев нарождающийся новый месяц, кланялись ему и просили, чтобы он ниспослал удачу на время своего правления. Также поклонялись духам камня, воды, воздуха, огня, металла, леса, деревьев.

Лес для племени не просто лес – это земля для посева ржи, овса, ячменя: на выжженных и удобренных золой, расчищенных небольших участках земли племя выращивало зерновые культуры. Но к этому пришли позднее, а поначалу занимались собирательством. Лес – это жизнь, потому что одежда изготавливалась из шкурок пушных зверей, нити и веревки добывались из жил. Лекарственные травы и коренья, мед и грибы, орехи, ягоды да лесоматериалы: бревна, щепа, береста и дрова – все это из леса.

Народы финно-угорской группы с полной уверенностью можно было бы назвать лесным народом, охотничьи умения которого были таковы, что охотник мог попасть стрелой в глаз белки, куницы или соболя. Этот лесной народ селился

вблизи рек, озер или болот, потому что вода в его жизни имела наиважнейшее значение, располагая свое жилище таким образом, чтобы оно своим «фасадом» непременно было обращено к воде.

Отношение к детям было самое трепетное. Лучшее, что есть у народа – это его дети! Но это не значит, что детей баловали, напротив, у детей были определенные посильные обязанности, которые должны были выполняться неукоснительно. Если вырастить ребенка ленивым, то на него нельзя положиться в старости. Ребенок – личность, полноценный член семьи, только маленький. С малолетства ребенок приучался нести ответственность за свои дела и поступки. Понятия «авось» не могло быть в принципе! Всегда присутствовало четкое понимание того, что и как и зачем делается. Мало того, прежде чем что-то сделать, все должно быть учтено, предусмотрено, продумано, вымерено и выверено до мельчайших подробностей!

Руны это знаки, таинственные и понимаемые народами угро-финской группы, передаваемые и читаемые на дощечках, на глиняных табличках, на камешках. А также рунами называются стихотворные сказания, певшиеся народом, учившие мужеству, смелости и трудолюбию, в том числе и терпению.

Руны – это поэзия. В народном эпосе «Калевала» Ви-пунен говорит Вяйнемёйнену: «Славных Бог не оставляет, никогда не губит храбрых!»

Высмеивали хвастовство и самонадеянность. Наряду со скромностью воспитывались честность и порядочность: финские дома не запирались. Забрать что-то чужое, то, что тебе не принадлежит, считалось одним из худших пороков, таким же, как самое тяжкое преступление.

Угро-финские народы любили веселье, но никогда не отличались гостеприимством. Они любили игрища, музыку, танцы, но всегда знали, что «делу – время, а потехе – час». Они любили хмельное пиво, которое варили преискусно, и медовуху, но ценили трезвость как добродетель.

Никогда угро-финские народы не питали страсти к роскоши, наверное, зная что-то такое, что другим было неведомо. О братоубийстве в народе угро-финской группы тоже никаких сведений нет. Если старший брат имел «лодию», то есть лодку, и занимался перевозом, то в случае его преждевременной смерти все обязательства по доставкам товаров брал на себя следующий брат или ближайший родственник. Договор соблюдался неукоснительно! О честности этой нации среди купцов и о доверии им ходили легенды. Так было всегда. В. Даль в своих произведениях упоминает об этом. Представители племени знали святость чести и торжественных условий: имели свои законы, утверждения, безопасность, право наследия, имели торговлю не только внутреннюю, но и внешнюю.

В эпосе «Калевала» Вяйнемёйнен предупреждает, как тяжело и ужасно живут в царстве мертвых – Маналы (у Туоне-

лы) люди, бывшие при жизни злыми. Он напутствует молодежь:

Никогда сыны земные,
Никогда в течение жизни
Не обидьте невиновных,
Зла не делайте невинным…

Такой же подход, что особенно ценно, в воспитании детей наблюдается и в современной Финляндии и в нашей Карелии.

Известный исследователь-ученый и блестящий литератор – В. И. Даль, рассказывая о чухонцах, так в просторечии русские люди называли угро-финские народности, объединяя одним словом и карелов, и эстонцев, и чудь, и весь, и многих других, пишет о неимоверном упрямстве этой нации. Жизненные условия воспитали у угро-финского народа мощные волевые качества, которые стали отличительной чертой. «Великодушный народ, борющийся мужественно с бедствиями и суровой жизнью, терпеливо снося свирепость непогод, труды изнурительные…» Если опять опереться на народный эпос «Калевала», то следует обратить внимание на то, что любой описываемый в эпосе персонаж – герой.

Никогда я дочь не выдам
За пустого человека
За ничтожного героя

– говорит старуха Лоухи и хозяйка Похьелы.

Так же В. Даль отмечает заметную (излишнюю?) рачительность народов угро-финской группы. Но все, что доставалось и приобреталось вследствие тяжелого, тяжкого труда, ценой неимоверных усилий, разве не было бы правильным и тратить очень осмотрительно и избирательно, стараясь не продешевить? Или не извести с таким трудом заработанное на плохой товар?

Несмотря на то, что Карамзин пишет, что к 1300 году новгородцам удалось обратить в христианскую веру карелу, весь, мерю, «но узы языческого духовного братства были сильны. Еще не наступило время совершенного торжества христианской религии и ревностного ей служения». Хотя Н. М. Карамзин пишет о том, что «еще со времен Рюрика (866–879 гг.) было твердое присоединение некоторых финских племен к народу славянскому в России, так что весь, меря, мурома, наконец, обратились в славян, приняв их обычаи, язык и веру.

Но это далеко от истины, поскольку этот народ плохо интегрировался в окружающий мир соседей, ибо ценил самобытность и уединение. Он боролся с природой в одиночку, в глуши леса, с топором в руке. Финну довольно трудно привыкнуть к дружному действию общими силами. Жизнь уда-

ленными друг от друга уединенными хуторами, при недостатке общения приучила этот народ к замкнутости и осторожности. Диких необузданных страстей этот народ не испытывал и на злодеяния был неспособен. Ценились целомудрие жен и человеческие добродетели».

Если на подступах к месту, выбранному для проживания, имелись непроходимые топи болот, то это могло рассматриваться как дополнительная защита от врагов и недоброжелателей. Болота, считающиеся непроходимыми, нисколько не мешали этой нации, а напротив – кормили народ, защищали, и в быту широко использовались и мох, с его впитывающими и бактерицидными свойствами, и камыш как бытовой материал и лечебный. Мало кто знает, что соцветия камыша – прекрасное средство от ожогов, а мох – ягель – является лекарственным средством при лечении астмы.

Со дна болотных озер и речек люди научились добывать железную руду.

Умение народа добывать железо упоминается и в народном эпосе «Калевала».

И в болоте, под водою,
Распростерлося железо…

Работа с железом в кузнице, знакомство с мехами и наковальней позволило народу значительно облегчить тяжелый и ручной труд, и поэтому на берегу реки можно было наблю-

дать, как «вспухают едким чадом железные варницы» (Д. М. Балашов).

Вот и в «Калевале» подросший Ильмаринен построил кузницу и на следах волчьих и медвежьих увидел «отпрыски железа» и «прутья стали»:

Он подумал и размыслил:
«А что будет, если брошу
Я в огонь железо это,
Положу его в горнило?»

До определенного времени народы угро-финской группы не вели оседлый образ жизни. Сняться с обжитого места и отправиться в путь на поиски новых территорий для этих народов не составляло трудности. Во время путешествия делались кушаки из полыни, и веточки полыни были всегда под рукой – это помогало от усталости при ходьбе, омывались ноги отваром из полыни, а в жилищах полынь разбрасывали по углам – это уберегало от блох.

Они были отличными фармакологами и знахарями, а также имели сакральные знания о камнях и травах. Опытная знахарка по одному внешнему виду страждущего могла точно определить, что у него болит. Например, каждый член племени должен был иметь при себе «змеиный» камешек, при опускании которого в воду даже болотная вода становилась питьевой и не могла причинить вред здоровью. Кстати, это народное знание впоследствии использовал Петр Вели-

кий: по его личному указу такой камешек должен был иметь при себе каждый солдат.

В очаг тоже подкладывали черный камень, и тепло очага сохранялось дольше.

В горшок, в котором варилась дичь, добавлялось несколько чистых камешков кремния: они разогреваются сильнее, чем вода, и мясо быстрее становится мягким при бережливом отношении к дровам. А чтобы удалить из приготовляемой пищи горечь, добавляли в нее во время кипения 2-з березовых уголька. Специи как таковые почти не использовались, за исключением тмина, который произрастал на делянках, и веточек можжевельника, приносимых из леса.

Сушилось и вялилось абсолютно все: и мясо дичи, и рыба, и коренья и травы, и грибы, и ягоды. Сушеные продукты не портились, и их удобно было брать с собой в дорогу. Окуня, плотву, подлещика, мелкую щуку вялили обычно весной, в сухую прохладную погоду. В теплое летнее время продукт быстрее приходит в негодность. Свежей рыба сохранялась при помощи крапивы, в которую она заворачивалась, с тем чтобы предохранить ее от порчи.

Рыбу умели ловить все члены племени «от мала до велика».

Кровь селезней сушили и, завернув в синюю тряпицу, привязывали к цепу. Ловили также на шарики, сделанные из крови и ячменного теста. «Рыбицу ловили на уды и неводом… Голодного хариуса можно было поймать даже на

небольшой кусочек красной тряпицы!» Еще мужчины били щук на нересте, весной, в разлившихся руслах рек, куда щука приплывала нереститься, в высокой прибрежной траве. Щук били остро заточенными острогами.

Лакомством считалась щучья икра!

Было и такое, что мы с вами могли бы счесть за странность. Например, если ноги оказывались промокшими, то, уже находясь в жилище, холодной водой смачивалась голова во избежание простудного заболевания.

Зайцев ловили на спицы. Как только был замечен заяц, прослеживался его путь, и выбиралось на пути зайца место, куда втыкались две острые железных спицы – одну – концом прямо, а другую – напротив. На это не надо было тратить драгоценное время, потому что заяц побежит по той же стезе: поскольку такое обыкновение имеет.

Некоторые народы финно-угорской группы считали грехом есть зайчатину. Никогда не употреблялось в пищу мясо медведя, этого «любимца леса с медовой лапой», так как считали медведя оборотнем человека. На конину тоже существовал запрет. Считалось грехом собирать яйца лесных птиц. Пернатую дичь в пищу употребляли мало. Исключение составляли семьи охотников. Яйца чаек могли добавляться в глиняный состав для крепости и связки камня, прочности каменных кладок, но не в пищу. Знало племя и о том, что мелкий песок при нагреве образует очень прочное соединение, почти такое же, как камень.

В летний период собирались и заготавливались впрок травы и коренья, те, которые шли в пищу, а также и лечебные. Съедобными считались: корень лопуха, крапива, молодые побеги папоротника, кислица, щавель, лебеда, тмин, сныть, мокрица и многие другие. От болей в желудке использовались листья подорожника, а от его расстройства помогали конский щавель или сушеная черника.

Прекрасным лечебным средством была трава зверобоя и кора осины. Считалось, что лось, крупное животное, сам себя лечит этим лекарством, и человеку оно годится.

Запаривалась черемуха. К березе и черемухе отношение было особое. Добывался березовый сок. Шли в дело грибы и ягоды. Использовались отвары трав. Мать кормила своих детей жидкой просяной похлебкой, щедро приправленной зеленым конопляным маслом. И просо, и масло в племени было либо благодаря обмену на шкурки пушных зверей, либо покупалось. «Деньгами были куны (куницы, соболя, белки). Чтобы не носить с собой целые шкурки, в качестве денег стали использоваться мордки и другие лоскутки – куньи и бельи», то есть мордочки куниц и белок.

Добывался дикий мед. Отсюда и воск.

Из домашних животных в основном держали коз и овец, используя шерсть, шкуры, молоко, но животноводством народ стал заниматься позднее. Поначалу сукно выменивалось у немцев, шелковые ленточки у купцов восточных, а льняные ткани выменивали у русичей. Первоначально нити из

овечьей шерсти скручивались веретеном, а намного позднее у народов финно-угорской группы появились самопряхи и ткацкие станки.

Более поздние свидетельства рассказывают о том, что крупное животноводство этому народу тоже было не чуждо. В хозяйстве имелись и коровы, и лошади, но это не в тринадцатом веке. В дремучих лесах не было никаких выпасов, не было дорог, а леса изобиловали не только пушными, но и дикими, свирепыми животными.

Для посевов разрабатывались небольшие куски земли, отвоеванные у непроходимых лесных чащ.

Самым важным делом у племени было изготовление лодок, потому что народ селился вблизи рек, озер и все-таки главным промыслом было рыболовство, а основной пищей была рыба: свежая, соленая, сушеная и измельченная в рыбную муку, а также вяленая. В одной семье, как правило, было две лодки. Это была и основная ценность, и главное средство передвижения. Одна лодка – это легкий рыбацкий челн, а другая – побольше, с наращенными смолеными бортами, для передвижений племени, для торга и обмена, для способа заработать: на такой лодке доставляли даже булыжник в то место, где он был необходим. Этот народ лодки делать умел, и их качество неизменно было лучшим (В. Даль).

Лодки же были и основным способом передвижения, а сообщение имели посредством судоходных рек. Там, где не могли проплыть на лодках, перетаскивали их волоком. Бы-

ли у племени весьма ходкие гребные суда, на которые могло поместиться не менее 20–30 человек. Суда их приходили в Новгород, где от новгородских купцов принимались заказы. Зимой племя рубило лес и строило лодки, смоленые, которые делались из породы одного дерева. По вскрытии на реках льда они приплывали и продавали их. Так же делались и уключины, и весла. На таких лодках новгородские купцы отваживались плавать и по рекам, и по морям. Так племя сделалось народом гражданским, ремесленным и торговым. Торговля на Севере столь славилась, что летописцы называли Россию «страною, изобильную всякими благами», а витязей Севера считали с давних времен многоопытными в кораблеплавании. И эти упоминания относятся к 1000 году!

За установленную плату новгородцы навстречу восточным купцам высылали лодочников к Ижоре, так как купцы боялись порогов невских и волховских. Товары перегружались на легкие лодки, внося в казну с каждого судна гривну кун, а с нагруженного хлебом полгривны. Хлеб привозился в случае неурожая (Летописи Нестора).

В исторических книгах написано, что из угро-финского племени весь была описанная в летописях славная княгиня Ольга, небезызвестная супруга князя Игоря (903 год). Об Ольге писалось, что она была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве (Карамзин Н. М. «Предания веков»).

Ильменские славяне граничили с угро-финскими народ-

ностями: весь с мерею, меря с муромою и с кривичами.

Мужчины в угро-финских племенах обрабатывали землю, плотничали, строили, управляли лодками, рыбачили, занимались бортничеством. Жены этих племен пряли, ткали, шили, сначала костяными, а затем и железными иглами. Сообща вязали сети.

Сначала шили себе одежду самого простого покроя в виде рубахи – малицы (когда длиннее, когда короче), тканной из шерсти и из меха, а также шились меховые одеяла. Позднее появился национальный костюм: у мужчин штаны и рубаха, а у женщин широкая юбка, как правило, из синей ткани (индиго), и льняная, выбеленная кофта. Ткань выбеливалась просто разложенная на земле, траве, под лучами солнца. Вязались чулки. У женщин костюм дополнялся передником и головным убором. Ничего лишнего, все оправдано и по назначению. Украшением могли служить рябиновые ягоды, собранные в бусы, яркая ленточка почиталась особо: ею могли быть украшены и ветви дерева, как дань божеству. И, за большой редкостью, носились жемчужные украшения из серого, как грозовое небо, речного северного жемчуга, которым в те времена были богаты северные реки. Золото и серебро попадало в племя только посредством внешней торговли.

В народном эпосе «Калевала» рассказывается о богато украшенной одежде, расшитой золотом, о серебряных украшениях для лошадей и о золотых кольцах, но в обычной жиз-

ни у простого люда ничего этого не было. Самое большее, что могли себе позволить в виде украшения – это орнамент: сакральные знаки для здоровья, достатка и счастья.

Носимым амулетам приписывались оккультные свойства. Так же над входом в жилище можно было обнаружить либо воткнутый нож, острием вниз, либо щучьи зубы. Без ножа в племени ходили только малолетние дети. Даже у женщин это являлось неотъемлемой частью национального костюма.

Жилища племени больше напоминали хижины, нежели дома: низкие, бревенчатые избушки, зимой почти целиком заносимые снегом, с крошечными окошками, едва пропускавшими свет даже в летний период, а в зимний полностью засыпаемые снежными сугробами. В «Калевале» Випунен говорит: «Опусти с окошка доску». Слюдяные окна в домах тринадцатого века являлись роскошью!

Отапливались хижины печками, которые располагались посередине строения, и такая печь служила и для приготовления пищи, и для помывки всей семьи в зимнее время. Такой дом назывался курной избой, отапливаемой «по-черному». Дым из печи в таких избах выходит прямо в жилое помещение и, расстилаясь по потолку, вытягивается в специальное отверстие с задвижкой и уходит в деревянный дымоход. В такой избе вовсе не грязно и темно, как можно было бы подумать. В нижней части избы ни сажи, ни золы, ни копоти нет, чистая печь, пол, сложенный из широких цельных плах, гладко стесанные стены, лавки, стол. «И лишь несколь-

ко выше человеческого роста проходит граница, за которой царит чернота закопченных верхних венцов сруба и потолка – блестящая, отливающая синевой как вороново крыло. Дым, расстилаясь по потолку, опускается всегда до определенного постоянного уровня. По этому уровню вдоль стен проходят широкие полки-воронцы, которые четко и, можно сказать, архитектурно отделяют светлую, чистую нижнюю часть избы от ее черного верха» (Ополовников А. В., «Русский Север»). Про печь говорят, что она не сложена, а «сбита». В печи варят пищу, на ней спят, сушат одежду, вялят рыбу, в ней хранят огонь, калят камни. Рядом место для огнива, и светец с лучиной, под печью лестница, ведущая в подклеть.

Печь кормит, светит, сушит, моет, лечит, греет…. В теплое время года помыться не составляло проблемы, а вот зимой баню могли устроить и из стога сена. В стогу выбиралась середина, так чтобы по бокам и сверху сохранилась «толщина стен». Сверху делалось небольшое отверстие. На земляной пол стелилась солома, и заносились большие булыжники, которые размещали в небольшом углублении по центру, в земле. На эти булыжники, нагретые, раскаленные камни, поливалась горячая вода, и этот стог служил самой настоящей парной баней. Или раскаленные камни кидали в холодную воду, и она тут же, очень быстро становилась горячей. Впоследствии баню стали строить как отдельное строение на берегу реки или озера.

Печи делались из камня, с лежанками, где спала семья, укрываясь меховыми одеялами. Нагретый камень долго остывает и хранит тепло, к тому же в племени научились с ним управляться довольно легко.

Первоначально пол в избах был земляным. В лучшем случае на пол могли настелить соломы. Впоследствии в домах стали стелить полы.

Из всей мебели в хижине были только стол лавки да полки. Впоследствии для хранения добра и скарба стали использовать сундуки.

Изначально домашнего инвентаря было немного: котелок, в котором готовилась пища, и из него же приготовленную еду вся семья ела, второй имевшийся котелок предназначался для кипячения воды. Котелок ставился на середину стола. У каждого члена семьи была своя деревянная ложка, но первым начинал есть, отец семейства, и только потом было позволено присоединиться детям.

Ушаты, лохани, подойники и многое другое были деревянными, и эта традиция сохранялась вплоть до начала двадцатого века (Никольская, «Карельская кухня»).

Повсеместно в ходу была берестяная посуда: туеса, короба, корзины, кошели и т. д. В берестяной посуде заквашивалось молоко, в берестяной посуде держали упаренные ягоды, заготовленные в зиму. Из куска бересты изготавливали «цедилку» для молока. Были берестяные черпаки, а также берестяными были масленки с плотными деревянными крышка-

ми. Изделия из бересты служат долго, они очень практичны. Из бересты делали дорожные короба и сумки, они предохраняли содержимое от дождя. Факелы тоже были берестяные (Афанасьев). Сарай и амбар делались на высоких столбах от хорей, куниц и других вороватых зверушек.

Гончарный промысел у племени особого распространения и развития не получил, хотя в местах расселения племени глины было достаточно. Необожженная глиняная посуда не отличалась прочностью, поэтому предпочтение отдавалось чугункам и котелкам, которые покупались либо выменивались. Но из глины охотно делали всевозможные свистульки, переливами подражающие птичьим голосам. Они служили и для забавы детям, и для опознавания членов племени, и для предупреждения «свой или чужой» в темное время суток, и сигналом опасности.

Близ реки Тосны, при впадении ее в Неву, находятся большие залежи глины, что могло бы содействовать развитию гончарного промысла и кирпичного производства… но этот народ предпочитал камень и легко управлялся даже с огромными валунами: под валуном откапывалась земля так, чтобы под ним можно было развести костер. При достаточном нагревании камня в нем обнаруживались микротрещины. Вот ударяя в нужное место зубилом и *обухом* топора, камень дробили на куски и пластины, пригодные и для строительства, и для облицовки, и для выкладки печи. Расколотый таким образом камень имел либо квадратную, либо прямоугольную

форму, отличался устойчивостью, поскольку укладывался на одну из плоских сторон прямо на глину, и между соединениями камней не образовывались даже минимальные щели, они слегка выравнивались потом глиняным раствором. Такая печь долго топилась, но и тепло могла держать до трех суток! Глина применялась лишь для связки, если надо было сложить что-то из камня.

При оседлом образе жизни выращивалась репа и была широко применима в пищу у народа: ее и варили, и пекли, и парили. Вяленая репа была лакомством для детей. Так же культивировалась и брюква. Особым почитанием пользовались молочные продукты. Из злаковых культур в основном выращивался ячмень и овес. Мастерски варилось темное пиво. В голодный, неурожайный год, чтобы выжить, в испекаемые лепешки и хлеб примешивались мелко измельченные опилки из сосновой коры.

Была у племени и такая отличительная особенность, как употребление в пищу «межоной» рыбки, то есть соленой рыбы с душком – считалось, что в такой рыбе содержатся редкие аминокислоты, необходимое для здоровья человека.

Отношения в племени были родовые: род такого-то возглавлял его родоначальник, но племя выбирало еще и старшего над родами, а над старшинами главенствовал предводитель племени. Но только в отличие от славянских

князей предводитель племени княжеских палат не имел и жил вполне обычно; ничем не выделяясь и не отличаясь от

рядового члена своего народа. Он пользовался заслуженным авторитетом и работал наравне с другими. Если в России изначально складывался устав монархический, то племена были независимыми и предводитель племени был скорее товарищем, нежели государем. В их общине был совет, с которым предводитель племени делился властью. Члены племени сходились и участвовали в общих советах. Народные собрания были древним обыкновением. «Старшины, разумом, летами и честью заслужившие доверие, могли выполнять обязанности народных судей» (Карамзин Н. М., «Предания веков»). Родовой строй в народе продержался довольно долго: почти до Петровской эпохи. Постепенно родовые отношение перешли на единоначалие.

Народы угро-финской группы с полной ответственностью можно назвать удивительными. Эти народы способны общаться не только с живой природой, но и с неживой тоже: так, рыбак может разговаривать не только с живым и растущим деревом, но он может беседовать и со своей лодкой. Музыкант, играя на кантеле, относится к своему инструменту как к верному товарищу: с ним беседует и советуется и абсолютно уверен в том, что это процесс обоюдный. Эта особенность может быть присущей многим народам угро-финской группы. В этой связи хочу сказать, что особая любовь народа ко всему, что было дорого для его сердца, выражалась в музыке и песнях. Не преувеличивая, скажу, что этот народ можно назвать поющим и певучим: пение, игра на му-

зыкальных инструментах в традиции народов угро-финской группы и по сей день.

У этих народностей царил культ магического слова: считалось, что и сама магия слова способна воздействовать и на предметы, и на явления природы. «Творческие слова всесильны». Заклинаниям поддается все, только надо знать начало…. И это тоже наводит на мысль о том, что чтобы предсказать будущее, провидец может спросить у человека число, месяц и год его рождения. Он тоже хочет знать начало?

Перед любым важным событием обязательно проводился обряд определенного назначения. Даже после того как народ выбрал для себя вероисповедание (христианство или лютеранство), во многих семьях языческий «шаманизм» и проведение обрядов остались. «Букву, но не дух приемлют меря, чудь, весь и литва, служат Господу яко идолам, молебны яко требы творят!» – пишет Дмитрий Балашов в своем историческом романе «Великий Стол». К карелам у христиан и вовсе были большие претензии из-за их самобытности.

В отличие от русского народа, славящегося своим гостеприимством, у народа финно-угорской группы отличительной чертой являлось нежелание привечать и потчевать в своем доме чужого человека: считалось, что «пришлому», чужому в своем доме нельзя предложить даже воды напиться, а если будет просить, то не давать. Если поднести «пришлому» попить воды и дать чужому человеку хоть крошку хлеба, значит позволить ему творить в своем доме колдовство!

Исконно отношения со шведами у финнов и у карел складывались непросто.

Нападал на угро-финские племена шведский король Сверкер еще в 1178 году с шестьюдесятью кораблями… но «был сокрушен озлобленными русскими» (Нутрихин А.).

И в середине лета 1240 года своей буллой папа Григорий IX требовал от стареющего шведского короля Эрика XI покарать этих «язычников», диких и непокорных фин-нов-карел, побивших его миссионеров, а заодно и «врагов католического креста – русских». (Нутрихин А., «Белые ночи»).

Непокоренные финские племена всегда жили с русскими в мире, но среди племен финно-угорской группы были и такие, кто заискивал перед шведской короной, а именно старейшины финских племен – суми и еми. Хотя и подневольно, но члены этих племен участвовали в походах против племен весь и инкери.

Вдоль русла реки Ижоры жило угро-финское племя инкери, а вдоль реки Тосны располагалось племя весь. Не ясно, какое из племен хотел наказать католический папа, но жизнь и быт обоих племен был почти одинаковый. Интересно, как упоминается об этом в известном народном эпосе «Калевала».

На страницах эпоса мы читаем, как девица-красавица, отказываясь выйти замуж за молодого весельчака Лем-минкяйнена, говорит ему:

Я и в Ингрию не выйду
На печальное прибрежье:
Только голод там да холод,
Нет там дров и нет лучины,
Нет воды и нет пшеницы,
Даже нет ржаного хлеба.

И эта же красавица говорит, когда веселый Лемминкяйнен все-таки привез ее к своему дому:

Смотрит хижина дырявой
И голодною норою,
И, конечно, ей владеет
Человек, не знатный родом?

Это еще раз говорит о том, что в этих местах основными промыслами были охота, рыболовство и собирательство. «Рыбак и охотник в поле не работник». Зато каждая семья в племени имела не меньше двух лодок, а то и больше.

Побежал челнок дощатый,
И дорога убывает.
Лишь звучат удары весел,
Визг уключин раздается.

«Иорнанд называет финнов самым кротким племенем из всех обитателей европейского Севера. Этот народ, уходивший от невзгод, искал среди лесов Севера не добычи, а без-

опасных мест для хлебопашества и промыслов», – пишет Ключевский. Он же пишет, что «из-за особенностей природных условий, трудности и скудости земледельчества здесь причина развития мелких кустарных промыслов.

Лыкодерство, мочальный промысел, мыловарение, ткачество, зверогонство, бортничество (лесное пчеловодство в дуплах деревьев), рыболовство, солеварение, смолокурение, пивоварение и медоварение, железное дело, изготовление лодок и лоцманство, плетение сетей – каждое из этих занятий издавна служило основанием, питомником хозяйственного быта для целых округов.

В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого!»

Еще в конце июля 1262 года эсты перебили у себя все католическое духовенство и ввергнулись вновь в язычество, за что великий магистр ордена Анно фон Зангерсхаузен взывал о крестовом походе против них, а также против Новгорода и Пскова заодно.

Епископ абоский у финнов, а также и шведы… надеялись, что в междоусобной войне их позовут «отымать престол Владимирский». А сам Александр Невский уже десять лет насаждал по всему северу, как во владимирских, так и в новгородских владениях, затаенные дружины и отряды. Было двенадцать таких гнездовий: на озерах – Онежском, Белом, Ку-

бенском и на озере Лача; на реках – Мологе, Онеге, Чагодоще, на Сити, Сухоне, на Двине и на реке Юг. В городе Великий Устюг было главное из воеводств князя.

Князь Александр Невский строго требовал от своих дружин, засаженных в глухомань, чтобы не только военное дело проходили, учились владеть оружием, понимать татарскую хитрость, но и чтобы впрямь стояли – каждая дружина на своем промысле. Ватага – ловецкая, ватага – зверовая, а те – смологоны, а те – медовары. Невский сажал их по озерам и рекам, чтобы, когда придет час, быстро могли бы двинуться к югу – во владимирские и в поволжские города (Югов А., «За землю русскую»). И промысловыми умениями они должны были владеть по примеру угро-финских народностей.

Хотя исторические хроники не подтверждают того, что у А. Невского были тайные дружины. Исторические

летописи говорят о том, что в 1278 году князь Дмитрий Александрович с новгородцами и со всею Низовскою землею казнил карелян и взял землю их на щит, потому что «покрещенное в христианскую веру» племя стало возмущаться.

Еще князь Ярослав Ярославич собирался наказать карелу в 1269 году.

С финскими племенами борьба продолжалась, отказывались платить дань и новгородцам и шведам, поэтому в 1292 году новгородцы ходили воевать Емскую землю (Ямь).

Шведы тоже не отстали от своих намерений и в 1300 году вошли в Неву.

Маршал Торкель Кнутсон (правивший Швецией в малолетство короля Биргера) сам присутствовал при строительстве города, основанного в устье реки Охты. Город был назван Ландскроной, что в переводе означает – Венец земли!

Несмотря на то, что в новом поселении был оставлен сильный гарнизон с воеводою Стеном, через год город был взят великим князем Андреем с полками и сожжен, а гарнизон большею частью истреблен!

Финно-угорские народы, расселяясь вдоль рек рядом с озерами и болотами, считали себя защищенными от неприятеля, пока не узнали о наступлении Батыя, использующего для своих набегов зимнее время, когда все водные препятствия скованы льдом. Войска хана Батыя не дошли до Новгорода всего сто верст! Под натиском татарских полчищ преклонились мордва, меря, черемисы и многие другие. Северные и северо-восточные угро-финские племена могли оказаться «среди двух огней»: с одной стороны татары, а с другой – шведы. Да еще и Господин Великий Новгород требовал податей! «Из двух зол» им пришлось выбирать меньшее. Если татары требовали себе дань – десятину от всего, то шведам надо было не только все отнять, но еще и оборотить в свою веру или, что еще хуже, убить!

Карамзин Н. М. в «Предании веков» пишет, как Михаил Тверской после пребывания в орде у хана Узбека и побывав под стенами Новгорода, отказавшись от битвы с новгородцами, решил отправиться домой в Тверь прямым пу-

тем, «ближайшею дорогою, сквозь леса дремучие. Там войско его, между озерами и болотами, тщетно искало пути удобного. Кони, люди падали мертвые от усталости и голода; воины сдирали кожу с щитов своих, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышел наконец из сих мрачных пустынь с одною пехотою, изнуренною и почти безоружною».

Вот тогда-то и могла состояться встреча князя Михаила с кем-то из угро-финского племени весь. Поскольку все территории, вплоть до Ладоги, были под началом Великого Новгорода, в племени должен был быть толмач для переговоров с новгородскими купцами, что давало возможность для племени приобретения и выменивания товаров. Язык у племени сохранялся свой. Ладьи, принадлежавшие племени, тоже могли быть задействованы в уходе – отплытии племени на новое место жительства. Такая практика использовалась позднее и описана у В. Даля. Уводя людей из-под начала Новгорода, Михаил мог не только обзаводиться людьми ремесленными, ближе к себе, но и наказать таким образом новгородских строптивцев, которым племя тоже платило дань, а новгородские купцы получали от финских охотников такую любимую всюду пушнину.

Примером Михаилу Тверскому мог быть его предок: еще великий князь Владимир Святославович, основывая новые города по рекам Десне, Остеру, Трубежу, Суле, Стугне, населил их кривичами, чудью, вятичами.

Князю Михаилу Тверскому был прямой смысл пригласить к себе на жительство угро-финское племя весь, замученное грабительскими поборами шведов. (Таким, наверное, образом было создано угро-финское поселение в Тверской области и город Весьегонск.)

«За Старую Ладогу (в 1000 году город назывался Альдегабург) сражался с великим князем Российским еще норвежский принц Эрик, во главе шведского войска, а позднее этот город стал приданым дочери шведского короля Олофа – Ингегерды, вышедшей замуж за князя Ярослава. И шведы в конце тринадцатого века и начале четырнадцатого всячески старались вернуть себе утраченные территории, богатые «мягким золотом», речным жемчугом, древесиной и пенькой и медом и воском.

Племя же весь своим переселением, всею своею численностью усиливало Михайлово правление, давало ему приобретение в свои пределы выносливый, сильный и мастеровой народ», – пишет член Союза писателей России Иванов Владимир Петрович, автор многих книг на исторические темы, а также автор книги «Неизвестный Поликарпов». (Указываю это произведение Иванова только из-за распространенности его фамилии.)

Хочется отметить, что все народы угро-финской группы, где бы они ни селились, абсолютно всеми народностями, проживающими с ними рядом по соседству, всегда, на

протяжении многих веков, признавались: трудолюбивыми

и благочестивыми, мирными и благородными, очень честными и сохраняющими свой язык. Эти народы всегда умели: уважать культуру своих соседей, охотно делились своими знаниями, не утрачивая при этом ни своих традиций, ни национального костюма и свято оберегая свои обычаи.

Подражание калевальскому

Элеонора Иоффе
(Хельсинки)

Я хотела стать красивой,
Стройной, как березка в поле,
гибкой, словно хворостинка,
как рябина на пригорке,
чтобы милый мной гордился,
чтобы он глядел с любовью,
чтобы, глядя, удивлялся.

Зиму бегала на лыжах,
на фитнес весну ходила,
год одни салаты ела,
позабыла запах мяса,
масла даже не касалась.
Стала стройной, как березка,
гибкой, словно хворостинка,
как рябина на пригорке.

Милый, воротившись, глянул
и тотчас меня оставил.
Он сказал мне на прощанье,
покидая, так промолвил:
«Исхудала ты некстати,

словно щепка отощала,
будто сучья стали руки,
ноги тонки, точно ветки,
тело одеревенело —
вид совсем неаппетитный.

Я найду себе другую,
милую найду помягче,
телом нежную и нравом:
об нее не ушибешься,
в синяках ходить не будешь».

Влад и Хийси

Михаил Кельмович
(Санкт-Петербург)

Голова из пня гнилого И рога из веток ивы;
Вместо ног – тростник прибрежный,
Из болотных трав – колени,
Из жердей – спина у лося,
Из сухой соломы – жилы,
А глаза – цветок болотный…

Калевала. Руна девятая.

Серьезные люди парятся молча. Сегодня, однако, Влад и Гоша сидели в тусклом сумраке парилки одни и, между скучными шлепками веником, тихо перебрасывались редкими фразами. Обсудить надо было важную тему. Речь шла об Охоте за силой. Странное сочетание слов впервые Влад услышал два года назад именно от Гоши и сразу же в эти слова влюбился. Здесь, в бане на Фонарном, они тогда и познакомились. Влад – студент филфака, худенький, с печальным взором и редкой бородкой. Лицо домашнего умника: такое всегда внушает доверие и ощущение безопасности. Гоша – средних лет мужичок крепкого сложения, в войлочной шапке и темными, горящими из-под войлока глазами. Он парил отменно, объясняя, что веником проводит энергию по кана-

лам, занимался голоданием и сразу несколькими оздоровительными системами. Видимо, тоже искал чудесного.

Гоша сразу дал прочитать Владу дневники Карлоса Кастанеды. Этот молодой американский антрополог однажды отправился в Мексику исследовать быт индейцев и неожиданно оказался учеником Дона Хуана – старого шамана из племени яки. О своем ученичестве Карлос написал теперь уже знаменитые книги. В них была подробно пересказана техника Охоты за силой. Чтобы стать магом, воин должен поймать одного из духов пустыни и сделать его своим союзником. Многое из того, о чем упоминал Кастанеда, казалось Владу похожим на его жизнь. Мир вокруг напоминал пустыню. Хотелось магии. И было тошно от обыденности и собственной никчемности.

У Влада и Гоши образовался совместный практический интерес. За полтора года они перепробовали все шаманские техники Дона Хуана. Правда, в пригородах. Время пришло начинать настоящую Охоту. В начале сентября в ладожских шхерах они задумали найти место силы и поймать там «союзника». Влад готовился к походу. Но тут в университете ему предложили участвовать в студенческой экспедиции: в июле пройти по Белой Карелии маршрутами Элиаса Леннорта – собирателя Калевалы. Как-то очень эта ситуация напоминала историю Карлоса. Но не разрушит ли она их планы? Этот тонкий момент и обсуждался сегодня в бане. Решили – не разрушит. Скорее, наоборот, Влад один может по-

пробовать Охоту. В финском эпосе тоже что-то шаманское есть. Но прежде всего, шанс – север Карелии, истинно дремучие леса и нетронутые человеком озера…

За время экспедиции по глухим местам Влад точно налазился. Наелся черники и гоноболи. А вот с охотой на духов как-то не заладилось. Он пробовал разные кастанедовские уловки, и – ни шиша! Приманивал специальным звуком духа воды у водопада. Вглядывался особым расфокусированным взглядом в вечерний туман, стелящийся по озеру. Даже скакал ночью в полной темноте по лесной просеке бегом силы. Чуть шею себе не сломал…Ничего! Ничего, кроме абстрактного шума сосен, высокого непролазного вереска или вязкого мха в болотах. И от грибов в глазах рябит на полянах.

Как-то уже в конце июля Влад кружил в глухих безлюдных лесах в окрестностях Юшкозера. На краю низкого ельника набрел на поле спелой морошки и застрял надолго. Когда наелся, пошел было дальше, но на глухом заросшем болоте увидел вдруг меж разошедшихся клочьев тумана дев железа… Их было, как и написано в Калевале, три. Когда Влад их заметил, они уходили от него в сторону. Невысокие, плотные, крутобедрые. Кожа их казалась из серой стали… Контуры первых двух уже размывались в болотном мареве, последняя вдруг обернулась и как будто бы на него посмотрела… Он увидел, как по ее полной груди стекает красное молоко.

Влад не помнил, как бежал с этого болота. В доме, в де-

ревне, где он остановился, до вечера приходил в себя. Ему нравилась сейчас спокойная тишина избы и надежность ее рубленых стен. Он все спрашивал себя: была ли там сила? Ближе к ночи – уже темнело – Влад вышел пройтись за околицу. Луна поплавком болталась в тучах. Тихо шелестели деревенские березы. Возле крайнего заброшенного дома, где клином подходил к дороге лес, на поляну навстречу ему вышел из-за старой ели лось Хийси с дуплистой, из пня сотворенной огромной головой и ударил его в грудь рогами.

Влад очнулся на том же месте минут через пять. Он был цел и невредим. Вернулся в дом. Собрался сразу и уехал в Питер.

На следующий после возвращения день, в бане, он сидел и рассказывал Гоше о случившемся. Он говорил, и его охватывало какое-то странное равнодушие к своей судьбе. И все беспокоил вопрос: почему обернулась к нему дева с красным молоком – мать непрочного железа?

Память о Калевала

Людмила Кленова
(Израиль)

Я помню, что в детстве когда-то
Нашла я чудесную книгу.
В ней строчки плескались крылато,
Отдав меня чу́дному мигу
И вдаль уводя за собою
В страну, где суровые люди,
Где море взъяренное воет,
Рождая легенды и судьбы.
Там Илматарь, Воздуха дочерь,
И сын, богатырь Вяйнемейнен,
С бедою сражались воочью,
Пока ее призрак не пойман.
И духа немыслимой силой
Невзгоды они побеждали.
У них я терпенью училась:
Мол, дни и похуже бывали.
Но, если мне трудно и больно,
Прошу кузнеца: «Ильмаринен,
Мне выкуй железную волю!
Тогда я, как Хийси, отрину
И страх, и утрату надежды,
И жизни мудреное скерцо…»

Так эпос Финляндии прежней
Вошел навсегда в мое сердце…

Так живи же, Калевала…

Где-то сумрачное небо
Наклоняется над морем,
Где-то ели-великаны
Облака пронзают кроной.
Там герои Калевала,
Вейнямейнен, Ильмаринен,
Переполнены достоинств,
Переполнены страданий.
Конь живет там огнегривый,
Что из пламени родился,
Непокорный, буйный Хийси,
Необузданная сила.
И предательство, и подлость,
И коварство, и злодейство —
Все, как в жизни, в этих рунах,
В этих повестях былинных.
Там красавицы, и ведьмы,
И любовь в напевах долгих,
И душевные страданья,
И испытанная дружба.
Там на де́вице жениться —

Не для каждого задача.
Заслужить жену там нужно
Лишь геройскими делами.
И заданья все сложнее,
И дела невыполнимей.
Но герои есть герои,
По плечу им испытанья.
Сколько мудрости народной
В этих снах запечатленных!
Сколько песенности дивной,
Что струится между строчек!
Как из желудя сквозь время
Прорастает дуб могучий,
Так из памяти нетленной
Вырос эпос этот древний.
Так живи же, Калевала,
Путешествуй по столетьям!
Ты – прекрасное творенье
Давней, сказочной Суоми!

Заколдованная Лоухи

Ольга Колари
(Финляндия)

Неприветливая северная земля.
Песня родилась
Из мерцания дрожащих струн,
Зова пастушьего рога,
Радостей и горестей.
Сказ родился
Из зимних вечеров,
Слабого света лучины,
Угасающих голосов старины
У мерно качающейся колыбели.
Мир на мгновение останавливается
Слушать эхо
Оживающего дерева и металла,
Силу древних заклинаний,
Предание о сотворении мира.

Река Туонела

Роман Круглов
(Санкт-Петербург)

Загляни, и твое отражение
канет на дно —
Гладь черна, молчалива
и не отдает ничего.
Неизбежность забвения
хоть и известна давно,
Но надеждой-молитвой
пульсирует каждый живой —

Ждет, что все же мелькнет
огонек в этой бездне сырой…
Кто во тьме не потонет,
кто вспомнится через века?
Если выйдешь из вод,
то безликим, как древний герой —
Лишних черт не запомнит
премудрая эта река.

Воспоминание о Калевале

Татьяна Кудрявцева
(Санкт-Петербург)

Неподалеку плескалось озеро Эриайнен. В нем плавала огромная розовая семга. В сине-зеленом лесу, таком же первозданно-акварельном, словно его только что насадил «Пеллервойнен, сын поляны, этот Сампса, мальчик-крошка», стояли мои малые дети и взирали на чистейшие высоченные сосны. По соснам бежала смола, небо просвечивало сквозь кроны всеми красками, как лоскутное финское одеяло. Под соснами полно было белых грибов. Их охристые крепкие шляпки казались прорисованными в серебристой хвое, точно кадр мультфильма.

Младшая дочка спросила: «Это мы в Калевале?»

Перед тем, как отправиться в Финляндию, я читала им эти руны.

Когда рождался эпос, мир был ребенком, может, оттого детям генетически близки мифы. Дети воспринимают сказания как реальность. Наверное, именно так и должно их воспринимать. Если соль будней перемалывается волшебной мельницей Сампо, бытие обретает свой золотой смысл. Этот смысл добыл Элиас Лённрот, который бродил по карельским селам, слушал, думал и записывал.

Мощный талант сказителей выстраивал шедевр литературы, вымешивая цемент на крепости национального характера. Элиас Лённрот – как раз и есть тот самый характер.

Все так житейски просто в его песнях-стихах: «Петухи еще не пели, и цыплята не кричали…» «Пчелка – быстрый человечек…» Природа для северных людей – не вне судьбы, она внутри каждого из них. Оттого и сосны здесь высоки, и вода чиста, и белки скачут без опаски. Кстати, дети мои ничуть не удивились тому, что «пчелка – человечек». И это было так же естественно, как ядреный лесной воздух над хрустальным озером.

Дом наших друзей стоял над этим озером. Я навсегда запомнила, как старый финн (звали его Эско) сказал тогда про собаку: «Она хороший человек. На нее нельзя кричать». Точно сказитель рун вечность назад – про пчелку. В памяти зацепилась еще одна фраза Эско: «Дом не должен быть крепостью, в крепости холодно, в дому должно быть тепло. Дом – это детская для всех людей». Эско не был песнопевцем, но рассуждал совсем как «старый верный Вяйнемёйнен». У озера Эско срубил баню. Баня была светла, точно горница. Каждая полка функциональна – на этой сушатся чистые травы, на другой стоят деревянные чаши для питья, любая дощечка гладка и бела. Должно быть, именно такую баню имели в виду сказители, для которых она являлась не просто элементом сюжета, но узелком на нитке жизни. Баня важная вещь – финны возводят ее с любовью и доскональностью. Вещ-

ный смысл в их повседневности естественно и непостижимо приближается к искусству. Душа Калевалы наивна и вместе с тем прагматична. Поэзия здесь не выдумка, она цветет в грубой жизни. Деревянные ковшик, ложка с цветочным узором, дверь с немудрящими рисунками, сарай, лет которому почти столько же, сколько рунам… Меня восхитил этот сарай над озером. Его строили столь же серьезно, сколь слагали руны. Хотя сарай, конечно, не был столь светел, как баня. В его темных высоких углах угадывалось мистическое присутствие страшной старухи Лоухи, редкозубой хозяйки Похъёлы.

Мы стояли с детьми у озера и смотрели, как солнце всходит. Оно было тепло-желтое, янтарное. Старшая дочка сказала: «Утка его снесла».

Утка из «Калевалы» постоянно возникала в наших мыслях, когда мы жили в доме Эско. Особенно после того, как Эско поведал о первом дне войны – моей родины и его. Через границу хлынул поток беженцев-ингерманландцев, народ побежал принимать их, размещать, кормить. Четырехлетний ребенок, который мало что понимал про войну, сидел один в доме с утенком. Утенок был его другом, мальчик носился с этим утенком, как с котенком. Утенок воплощал в себе непреходящий праздник жизни, все равно что восход солнца. И вдруг утенок умер у него на руках. Эско сказал: «Я сидел одинокий, как в пустыне, с холодным утенком у сердца. Солнце померкло». И признался, что такого безна-

дежного одиночества никогда больше не испытывал. За все прожитые годы. Мне пришла тогда в голову мысль, что утка недаром всплывает в «Калевале», «утка, та – красотка-птица, что гнездо себе слепила», утка для угров она и правда первоначало.

С тех пор прошла, наверное, приличная треть земного срока, мои родные девы, и старшая, и младшая, уже самостоятельно плывут по волнам жизни; наши разговоры с Эско вроде бы отодвинулись в прошлый век. Но озеро то живет во мне, как часть Калевалы.

Калевалу все так же читают во всех возрастах, особенно в детском. Интонации рун созвучны ребятам, они принимают их за свои собственные. Буквально сегодня я прочла строчки восьмилетнего Лени Пейнонена, только что открывшего для себя эту вечную книгу:

«Мне очень понравился фрагмент о сотворении мира, потому что один из главных персонажей его – уточка. Я был в Финляндии и видел очень много уток, их кормят и любят, они не боятся людей. Наверное, поэтому утка и снесла яйца, из которых возник мир. Яйцо похоже на Землю, у него внутри желток – это ядро, оно не круглое, но все равно напоминает нашу планету. Древние люди не знали многих вещей о мире, но они умели мечтать и фантазировать».

Прочтя эти строки, я словно вновь услышала голоса Эско, Элиаса Лённрота и провидца Вяйнемёйнена. Они аукнулись во мне эхом над озером.

Леня Пейнонен живет в Гатчине. Там много «потомков» Калевалы. Ребята слушали руны в библиотеке Куприна (ее здесь ласково кличут «Купринкой»), встреча старших и младших читателей, как ключом, открылась словами: «Я собрал все эти речи на просторах Калевалы». А девизом библиотекари избрали вот такие строки: «Пусть любимцы наши слышат, пусть внимают наши дети – золотое поколенье, молодой народ растущий».

И золотое поколенье оправдало надежды древних песнопевцев. Сегодняшние мальчики и девочки показали сокровенное понимание «Калевалы».

Я люблю приезжать в «Купринку». Там работают со словом так, что оно не перестает оставаться живым. Зальчики библиотеки, как теплая комната детства всех людей, о которой когда-то говорил мне финн Эско.

Мой учитель Радий Петрович Погодин называл библиотекарей «верхним светом» нашей культуры. Это и про них, про «купринцев», тоже.

Друзья-библиотекари переслали мне детские строки сегодняшних читателей Калевалы. Они наперебой обсуждали эпизод с Илматар, преображающей пустынную картину мира. Ребята сравнили это описание с библейским сюжетом, обратив внимание на то, что древние божества карелов очень отличаются от славянских, хотя мы близкие соседи. И даже самые маленькие, второклассники, отметили, что такие стихи хорошо петь и рисовать – очень красиво звучит, хотя име-

на и трудные. Зато все понятно про зверей и птиц – «быстрых человечков» и про Кума-ничку, Земляничку – они, наверное, «тоже люди»… И со всеми надо дружить.

Калевала – не застывшая скала памяти, а живая речка. Оказываясь в школах Финляндии, я не удивляюсь тому, что дети не тащат домой из леса всех зверюшек подряд, понимая, что и у лисенка, и у ежонка, и у дрозденка – свой дом. Они стараются уважать его.

Жить в ладу с природой – так легко и так трудно. Осознание того, что человек природе – не хозяин, а брат, вытекает из рун, как живительный *ручеек*.

«Отсо, яблочко лесное, гнешь медовую ты лапу, мы с тобою сговоримся, – вечный мир с тобой устроим…»

Настя Степанова (ей уже семнадцать лет, поэтому формулировки ее максималистски четки) написала про Калевалу так: «Это произведение, как глоток свежего воздуха. Можно воспринимать Калевалу как сборник философских притч, как сказку, как интересный исторический документ или даже как сгусток жизни, основываясь на котором размышляешь, как следует строить свою жизнь и где искать моральные ориентиры».

Дни Калевалы прошли нынче и в самой Гатчине, и в Войсковицах, и в Тайцах. Ребята рисовали героев древнего эпоса, воссоздавали их в глине, в танцах, песнях, в самодельных куклах, даже в лоскутных картинах. Эти картины – иллюстрации к Калевале – мастерят бабушка с внучкой Зыко-

вы. Подобное занятие требует многотер-пения. За три года – всего 14 картин… Интересно, что сказал бы об этом Аксели Галлен-Каллела с его обостренным чувством правды и суровой красоты? А может, просто изобразил бы мастериц – старую и малую, целомудренно склоненных над шитьем…

Главный праздник назывался «Легенды северных широт». Его помог провести Центр культуры ингерман-ландских финнов «Hatsina». Это был какой-то шквал, всплеск творчества, ставшего отзвуком Калевалы. Семейный кукольный театр «Ковчег», студия Педагогического колледжа «Эксперимент», «Детская художественная школа Гатчины, Войсковицкая школа искусств… Такое ощущение, что все связанное с культурой пришло в счастливое движение.

Аня Бурса, Вика Лопатина, Максим Цуцей, Алиса Суходольская, которые занимаются у Марины Вячеславовны Чарушиной в Войсковицах, представили свою керамику «Северные сказания». Понятно, что они изучали национальный костюм угров, одежду, специальные лыжи, финские ножи, копья, шапки, краги, кушаки. Рассматривали узор, вышивку на одежде и оружии. Подошли к делу со всей серьезностью, как и подобает читателям Калевалы – по верхам это сочинение не прочтешь…

Взгляните на их Вяйнемёйнена, на то, как вдохновенно он играет на кантеле! Как несет его орел, отдохнувший на магической березе, орел торжественен и силен. Он рассекает воздух, подобно мощном удельтаплану – волосы старца

треплет ветер! Это ветер страны Калева, которая никогда не уйдет в песок. А как бесхитростен маленький олень, доверчиво прижавшийся к ноге песнопевца. Вглядишься и словно ощутишь смолистый густой воздух того давнего леса, в котором мы стояли с дочками, взирая на озеро, и белки спускались нам на плечи, и сороки заглядывали в глаза…

Библиотекари «Купринки» рассказали мне, как многие дети страшно удивлялись тому, что Вяйнемёйнен такой старый. Ну, действительно, годы его отрочества, зрелости тут не показаны, они пронеслись в мгновение ока. Вроде только что был малюткой, родившимся у матери Воды, и тут на тебе – седобородый песнопевец. Почему так? – спрашивали они. Признаться, я и сама совсем недавно это поняла. Когда читала Калевалу в детстве, тоже изумлялась тому, как мгновенно постарел старый верный Вяйнемейнен. А теперь мне ясно: так оно и бывает. Просто «как раздастся крик кукушки, сердце радостно забьется, на глаза выходят слезы, по щекам вода струится, как горох бегут те капли, как бобы, идут большие; становлюсь на локоть старше, делаюсь на четверть ниже, тело все мое трепещет, лишь услышу крик кукушки…» Время быстротечно, как легкая птица, как пчелка – быстрый человечек. А золотая мельница Сампо все мелет, обещая нам счастье…

В поисках страны Калевалы

Алексей Ланцов
(Хельсинки)

Не так давно Финляндия отметила юо-летие обретения независимости. Святой обязанностью всех вовлеченных в это юбилейное мероприятие было почтить особым вниманием имена тех, чьими усилиями созидалась финская государственность. Есть в этом славном ряду место и Элиасу Лённроту – легендарному собирателю фольклора, автору эпической поэмы «Калевала». Значение этой поэмы трудно переоценить: в ней мы находим попытку реконструировать древнюю историю финского народа, указать на его истоки, дав тем самым твердую почву пробуждающемуся национальному самосознанию финнов. Окончательная редакция «Калевалы» была издана в 1849 году и вместе с первой редакцией 1835 года, а также другими трудами Лённрота стала мощным обоснованием идеи независимого финского государства.

Мне уже приходилось писать о той роли, которую сыграла эпическая поэма Лённрота в деле формирования финской нации, и о том, как вообще стало возможно появление подобной поэмы в тех исторических условиях (статья «Эпос, создавший государство»). Здесь же мне хотелось бы остановиться на вопросе о том, где и как собирал материал для сво-

его будущего произведения Лённрот и какова была, скажем так, его сверхзадача.

Элиас Лённрот родился *д* апреля 1802 года в местечке Самматти (ныне входит в муниципалитет города Лохья) в семье портного. Ему посчастливилось, вопреки «низкому» происхождению, поступить в университет города Турку. В 1827 году Лённрот защитил диссертацию на тему «Вяйнемёйнен, божество древних финнов». Это был первый шаг на пути к его будущей поэме «Калевала».

Мысль о возможности создания из разрозненных произведений устного народного творчества единого целого высказывалась и до Лённрота. Например, еще за десять лет до его диссертации, в 1817 году, начинающий фольклорист К. А. Готтлунд написал ставшие впоследствии широко известными слова: «Если бы только нашлось желание собрать воедино наши древние народные песни и создать из них стройное целое (то ли это будет эпос, драма или еще что-нибудь), из них мог бы возникнуть новый Гомер, Ос-сиан или Песнь о Нибелунгах…»

Готтлунд имел в виду песни, бытующие в Финляндии. Ни он, ни другие в это время еще не знали, что рунопевческая традиция сохранилась не только в Финляндии, но и в соседней русской Карелии. Открытие это сделал Сакари Топелиус-старший, которому посчастливилось встретить летом 1820 года двух коробейников-карел, пришедших торговать в Финляндию из русской части Карелии. Коробейники ис-

полнили по просьбе Топелиуса руны, которые знали. Сенсация состоялась. В дальнейшем контакты Топелиуса с карельскими певцами продолжились. Топелиус не только записывал песни, но и издавал их в виде сборников. Эти сборники Топелиуса стали для Лённрота одним из источников при написании диссертации. Его, как и других исследователей, не могли не воодушевить слова Топелиуса о том, что за пределами Суоми, в некоторых волостях Архангельской губернии «еще звучит голос Вяйне-мёйнена, там звенит еще Кантеле и Сампо» и что именно оттуда он, Топелиус, «получил свои лучшие руны, которые бережно записал».

Поэтому неудивительно, что именно в русскую Карелию и решает отправиться в поисках песен Лённрот. Однако путь туда не был столь простым.

Первая фольклорная экспедиция Лённрота состоялась в 1828 году. В очерке «Путник, или Воспоминания о пешем путешествии по Хяме, Саво и Карелии» Лённрот подробно описывает свое увлекательное предприятие. И это описание показывает нам, что молодой исследователь размышляет над вопросами, выходящими за рамки интереса к народному творчеству. Что же это за вопросы? Дадим слово самому Лённроту: «На следующий день я пришел в Юва… Поскольку я знал, что студент Готтлунд уже собирал здесь руны, то не стал о них даже спрашивать. Для собственного развлечения я занялся сбором растений и выяснением их названий. Я считаю, что изучение финских наименований рас-

тений и других объектов природы способствовало бы выяснению вопроса о древней родине финнов. Известно, что в разных местностях и названия эти различны, но есть немало названий растений, птиц, рыб, животных, а также минералов, общих для всей Финляндии. Поэтому можно предположить, что финны знали их еще до переселения сюда, тогда как большинство объектов, имеющих совершенно разные местные наименования, по-видимому, стали известны им после переселения в эти края. Исходя из этого можно было бы определить место обитания подобных животных и объектов природы и считать его местом древнего поселения финнов». Выяснение вопроса «о древней родине финнов» – такова амбициозная цель молодого выпускника университета. Не забудем, что на дворе 1828 год. Со дня обретения независимости от Швеции прошло 19 лет. И хотя формально Финляндия входит в состав Российской империи, она *бурно* переживает подъем национального самосознания, который является необходимой предпосылкой зарождения государственности. Поиск собственных корней, истоков, исторического базиса становится важной задачей складывающейся нации. Для того, чтобы двигаться вперед, нужен фундамент. Лучшие финские умы прекрасно это осознают. Взять хотя бы того же Готтлунда. В вышеприведенной цитате он высказывает пожелание, чтобы кто-нибудь собрал «наши древние народные песни» и создал из них нечто целое, по примеру гомеровского эпоса или «Песни о Нибелунгах». А дальше

продолжает: «И, прославившись, финская нация с блеском и достоинством проявила бы свою самобытность, осознала бы себя и светом своего развития озарила бы восхищенные лица современников и потомков». Лённрот мыслит в этой же парадигме. Собрать песни не для того, чтобы просто напечатать их, как это делал Топелиус, а создать из них что-то вроде варианта национального эпоса, куда были бы «упакованы» вопросы происхождения финнов, их древней славной истории, их героических (а каких же еще?) предков – вот сверхзадача Элиаса Лённрота.

На пути обретения исторических корней Лённрот обращается не только к людям, он – как мы уже видели на примере очерка «Путник» – вопрошает мир природы (впоследствии он напишет книгу «Флора Финляндии»), его также интересует происхождение топонимов, о чем он рассказывает в том же очерке. С годами Лённрот все более пристальное внимание начинает уделять языку (языкам), справедливо полагая, что язык – надежный фиксатор многих явлений прошлого. «Например, язык свидетельствует о том, что когда финны составляли единое племя, у них было представление об общем боге Юмала, и поэтому у всех разбросанных ныне финноязычных племен он обозначается одним словом. Многобожие, вероятно, зародилось позднее, иначе у разных племен сохранились бы одинаковые названия богов…» «Изучая язык, узнаем также, что финны до распада на отдельные племена занимались скотоводством, рыбной ловлей и обра-

боткой железа, а отчасти и земледелием…» «Обращаясь к языку, можно отчасти выяснить и то, какую одежду носили финны прежде и какую стали носить в ходе самостоятельного развития отдельных племен…» «Ранее я уже высказывал свое убеждение, что если изучить диалекты разных финских племен, то можно выяснить многие неизвестные еще факты». Это цитаты из «Путевых заметок» Лённрота, относящихся к его четвертой фольклорной экспедиции 1833 года.

В те же тридцатые годы Лённрот работает над большим стихотворением «Рождение Суоми», повествующим о том, как первопредок Калева с сыновьями путешествует по свету в поисках нового места жительства. Край, в котором они останавливаются, Калева решает назвать Суоми, потому что он «дарован» ему свыше (suotu).

В «Калевалу» этот сюжет Лённрот не включил, однако тема обретения родины там присутствует и является одной из центральных. И заявлена она почти в самом начале поэмы. Родившийся в морских водах Вяйнемёйнен доплывает до одинокого острова и решает обустроить на нем свою страну, назвав ее Калевалой. На первый взгляд, это совершенно случайный остров, но неожиданно автор упоминает находящийся там колодец первопредка Ка-левы, и это в корне меняет дело, потому что это уже не просто первый попавшийся остров, а обретенная родина предков. Из дальнейшего повествования мы узнаем, что Калевала – это и есть Суоми, а вождь народа Вяйнемёйнен – сын Калевы.

Эйно Лейно считал, что Лённрот нагрезил свою «Калевалу». Нагрезил как поэт.

Но вернемся к первой фольклорной экспедиции Лённрота. Знаковым событием для молодого собирателя стала встреча с замечательным рунопевцем западной Карелии Юханой Кайнулайненом (1788–1847). Обстоятельства этой встречи описаны Лённротом в том же очерке «Путник». В гостеприимном доме Кайнулайнена в деревне Ху-муваара Лённрот прожил несколько дней, записав за это время от знаменитого певца более 2000 песенных строк. А до этого, ожидая возвращения Кайнулайнена с работ домой, обошел окрестности деревни. Для Лённрота познаваемый им песенный мир – часть той таинственной среды обитания, уже утраченной, где человек, природа и боги находились в совершенно особых отношениях друг с другом. «С неизъяснимой отрадой ходил я по лесу, где покойный отец Кайнулайнена когда-то читал свои заклинания, обращенные к богам и богиням леса, и где в былые времена «девы Метсолы» показывались своим любимцам. Следует заметить, что в бытность свою старый Кайнулайнен был лучшим охотником этих мест. И по суеверным понятиям людей того времени его охотничье счастье во многом зависело от благосклонности лесных богов, которых он, как никто другой, умел расположить к себе своими песнями. Эти песни перешли от отца к старшему сыну, но младший Кайнулайнен – сын своего времени – уже не считал их столь могущественными, какими они являлись

для предков. Они были для него скорее святым наследием отца и напоминали ему детство».

Встреча с Кайнулайненом стала для Лённрота первой в череде встреч с выдающимися певцами своего времени.

Осенью 1828 года, не переходя финско-русскую границу, Лённрот вернулся домой. Привезенный из этой экспедиции песенный материал стал основой для изданного им сборника «Кантеле». Сборник вышел четырьмя выпусками и содержал 90 рун старинной метрики и 20 новых песен. Немало групп строк, встречающихся в «Кантеле», Лённрот позднее перенес в текст «Калевалы».

Не видя возможности зарабатывать на жизнь в качестве филолога, Лённрот в том же 1828 году снова стал студентом, на этот раз его целью было изучение медицины.

1831 год был ознаменован двумя событиями: было создано Финское литературное общество, которое издаст труды Лённрота, включая «Калевалу», и Лённрот отправился в новую фольклорную экспедицию. Она оказалась на редкость неудачной. Вместо российской Карелии, куда стремился попасть Лённрот, ему пришлось срочно вернуться для борьбы со вспыхнувшей эпидемией холеры. Он успел записать лишь несколько песен.

Однако следующие поездки оказались исключительно результативными. В 1832 году в Аконлахти (Архангельская губерния) Лённрот записал 17 песен разных жанров от Соавы Трохкимайнена. 1833 год подарил встречу с Онтреем Мали-

неном и Воассилой Киелевяйненом. Оба певца были жителями российской севернокарельской деревни Бойница. От Малинена Лённрот записал исключительно ценную в художественном отношении руну о чудо-мельнице Сампо (368 строк). Заклинатель и певец Воассила Киелевяйнен был уже очень стар и рун почти не помнил, но он рассказал Лённроту, в какой последовательности следует располагать деяния Вяйнемёйнена. Поездка 1834 года была ознаменована встречей с самым выдающимся из всех известных рунопевцев Архиппой Перттуненом (около 1769–1841). Он жил в Беломорской Карелии, в деревне Латваярви. В «Путевых заметках» Лённрота сохранился рассказ об этой важной для него встрече: «Я отправился в деревню Латваярви… где некий крестьянин Архиппа слыл хорошим рунопевцем. Это был уже восьмидесятилетний старец, обладавший на удивление хорошей памятью. Целых два дня и еще немного третьего я записывал от него руны. Он пел их в хорошей последовательности, без заметных пропусков, большинство из его песен мне не доводилось записывать от других; сомневаюсь, чтобы их можно было еще где-либо найти. Поэтому я очень доволен, что посетил его…» Характерно, что Лённроту Архиппа кажется значительно старше своих лет, в нем он видит «патриарха». От Архиппы Лённрот записал более 4000 стихов: около 20 эпических сюжетов, 13 заклинаний, несколько лирических песен. Репертуар Архиппы этим не исчерпывался, но Лённроту надо было спешить из-за начинавшейся распу-

тицы.

Кроме этих ярких имен, оставшихся в истории рунопевческого искусства, информантами Лённрота были многие крестьяне, жившие по обе стороны границы. Мужчины специализировались на эпических песнях, женщины – на лирических. Среди его информантов встречаются подростки, и даже дети. В силу несовершенства тогдашней методики оформления фольклорных записей, применяемой Лённротом, сведений о большинстве из них, включая имена, к сожалению, не сохранилось.

Из собранного материала Лённрот создает цельное законченное произведение – поэму «Калевала». «Калевала» – это важно понять – не является сборником аутентичных народных текстов, это сочинение Элиаса Лённрота, в котором народные тексты сыграли роль строительных лесов. Под пером Лённрота, по словам литературоведа Э. Карху, «возникла новая эстетическая целостность с новым содержательным уровнем».

28 февраля 1835 года Лённрот сдает «Калевалу» в печать, после чего… отправляется в новую фольклорную экспедицию. Шестую по счету. От встреченного в этой поездке жителя деревни Ухтуа Варахвонтты Сиркейнена по прозвищу Ямала он записывает 20 рун.

После этого были экспедиции 1836–1837, 1838 и 1839 годов. Говорят, Лённрот возил с собой отпечатанную «Калевалу», между страниц которой вкладывал чистые листы бума-

ги, куда вносил дополнения либо новые варианты к соответствующим местам поэмы. Обилие дополнительного материала наводит Лённрота на мысль подготовить новое, расширенное издание «Калевалы». В 1844 году он получает пятилетний служебный отпуск и целиком уходит в работу. Новое – и окончательное – издание увидело свет в 1849 году. По сравнению с вариантом 1835 года новая редакция была по объему почти в два раза больше (22 795 строк).

«Калевала», без преувеличения, научный, человеческий и гражданский подвиг Элиаса Лённрота. Ей он самоотверженно посвятил многие годы своей жизни. Напряженная работа за письменным столом сочеталась у Лённрота с дальними походами, сперва по финской, а потом и по российской Карелии. За время своих фольклорных экспедиций (всего их насчитывают одиннадцать) он прошел и проехал около двадцати тысяч километров. Лённ-рот собирает почти все жанры: песни эпические и лирические, сказки, пословицы, загадки, заговоры, заклинания. Между двумя изданиями «Калевалы» он издает сборник пословиц (1842 г.), сборник загадок (1844 г.), сборник лирических и лиро-эпических песен «Кантелетар» в трех частях (1840–1841 гг.). Но этим творческая деятельность Лённрота отнюдь не исчерпывается. Так, например, в 1836 году он начинает издавать на финском языке ежемесячный журнал «Мехиляйнен». Одна из задач проекта – развитие финского литературного языка. Лённрот через журнал вводит в оборот множество придуманных им тер-

минов. В журнале печатаются статьи самой разной тематики, печатаются произведения народного творчества, стихи «крестьянских поэтов». Целевая аудитория издания – самые широкие народные слои.

Журнал имеет историческое приложение, в рамках которого выходят в том числе «История Финляндии» и «История России». Первый труд написан Лённротом в соавторстве с Ю. Ф. Каяном, второй – с Г. Тикленом. Трудно поверить, но долгие годы вся эта большая и сложная работа делается Лённротом на общественных началах, на жизнь он зарабатывает врачебной практикой. К сожалению, из-за недостатка средств издание «Мехиляйнена» через несколько лет прекращается.

В 1840 году Лённрот упоручают закончить составление большого финско-шведского словаря. Работу эту начал языковед Кекман, но в 1838 году он скончался. Над словарем Лённрот будет трудиться сорок лет. Объем словаря и сегодня может поразить воображение – более двухсот тысяч слов! Издавался словарь отдельными выпусками в 1866–1880 годах.

Вопросы, связанные с бытованием финского языка, вставали перед Лённротом неоднократно. Было это как при работе над «Калевалой», так и во время издания «Мехиляйнена». Сильным соперником финского языка был шведский язык. Оставшийся как наследие 600-летнего подчинения Финляндии Швеции, он долгие годы был единственным государ-

ственным языком Финляндии и после включения ее в состав Российской империи. С другой стороны, в самом финском языке происходила борьба диалектов, единые нормы национального языка отсутствовали, финские газеты носили отпечаток тех или иных областных говоров. Да и Лённроту, когда он только приступал к изданию своего журнала, советовали издавать его на восточнофинском диалекте саво. Лённрот это предложение отверг, поставив своей задачей утверждение общенациональных языковых норм. Он рассматривает финский язык как средство преодоления рудиментов племенного сознания и сплочения жителей разных областей в единую нацию. По сути, деятельность Лённрота-лингвиста имеет своей основой ту же идею, что и деятельность

Лённрота-писателя, автора «Калевалы», – пробуждение национального самосознания финнов. Лённроту важно успеть «оснастить» финский язык всем необходимым к тому моменту, когда он получит право «выйти из тени» шведского. Не ограничиваясь работой над большим словарем, он подготавливает и выпускает два малых: «Толкователь шведского, финского и немецкого языков» (1847 г.) и «Русско-шведско-финский словарь» (1851 г.). В логику этой работы укладываются две лингвистические экспедиции Лённрота: 1840–1841 и 1844 годов. В первом случае он отправляется исследовать карельские диалекты и языки лопарей и самоедов (т. е. саамов и ненцев), во втором – родственный финскому эстонский язык.

Вместе с партией сторонников финского языка Лённ-рот переживет счастливый момент в 1863 году, когда, откликаясь на просьбу сенатора Снельмана, Александр II признает право финского языка стать – пройдя переходный период – равноправным шведскому административным языком.

В 1854–1862 годах Лённрот трудится профессором финского языка в Хельсинкском университете. Выйдя в отставку, живет в родном Самматти, до конца своих дней ведя разнообразную просветительскую деятельность.

Скончался Элиас Лённрот там же, в Самматти, 19 марта 1884 года.

А что же «древняя родина финнов»? Нашел ли ее Лённрот? Скажем так: «древнюю родину финнов» он частично нашел в финском языке, по крайней мере в период после «Калевалы» он продолжил этот поиск в пространстве финского языка. Выяснение происхождения тех или иных слов, терминов, географических названий, сравнительные экскурсы в другие языки и прочие лингвистические штудии давали Лённроту богатую пищу для размышлений не только на тему того, как устроен «дом» финского языка, но и каковы исторические «свойства» его «обитателей».

Что же касается страны Калевалы, то в нее – плод своего воображения – Лённрот заставил поверить других. Со страной Калевалой в сознание прежде всего образованного класса вошло большое историческое время, укреплявшее уверенность в том, что финны – не случайный народ на этой

земле, что они – равноправная нация среди других европейских наций. В этом отношении Лённрот сделал, пожалуй, максимум того, что мог сделать: в своей поэме он не просто заселил мифическую страну Калевалу вымышленным им народом, он возвел его в божественное достоинство, поскольку вождь народа Вяйнемёйнен имеет божественное происхождение (в последнем случае, правда, Лённрот следовал мифологической традиции, согласно которой Вяйнемёйнен является демиургом).

По словам Э. Карху, «очень скоро после своего выхода «Калевала» стала восприниматься как духовное знамя финского национального движения…». Вот под этим знаменем и шла страна к радостному дню обретения независимости 6 декабря 1917 года.

Литература

1. Лённрот Элиас. Калевала: Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Переводчики Э. Кнуру и А. Мишин. Петрозаводск, 1998.

2. Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842. Петрозаводск, 1985.

3. Киуру Э. С., Мишин А. И. Фольклорные истоки «Калевалы». Петрозаводск, 2001.

4. Карху Э. Г. История литературы Финляндии: От истоков до конца XIX века. Л., 1979.

5. Мейнандер Хенрик. История Финляндии: Линии, структуры, переломные моменты. 2-е изд. М., 2016.

В сетях Калевалы

Елена Лапина-Балк
(Хельсинки)

Сколько лет живу в сказочной стране Суоми, казалось бы, можно и привыкнуть к молчаливым лесам, сказочным озерам, морозам, вежливым скучным соседям, к экзотической финской еде и спокойным праздникам с маленькими подарками и без них, так нет!

Каждый год с трепетом ожидаю праздник Новый год. Мой муж Пекка – финн – говорит, что это очень по-русски, ожидать то, что и так придет. Просто для него Рождество является основным праздником года. Мое долгое проживание в Финляндии не сделало меня финкой, я остаюсь русской со своими надеждами, ожиданиями, традициями и верой в сны и приметы и, конечно же, с русскими тараканами в голове. Ну, а сегодня на Новый год я жду подарки.

Поскольку разница во времени с Россией у нас один час, то и праздник начинается дважды. Бокал с шампанским мы поднимаем сначала за русский Новый год под бой московских курантов, ну а через час и второй бокал под грохот хлопушек и ракет на улице, за финский HyyvääUuttaaVuotta/Хороший Новый год.

Так было бы и в этот раз, но….

Муж не сопротивлялся и с достоинством переносил все, что я делала по традиции. Привык, к тому же спорить было бесполезно.

Где-то с в ю: оо вечера (по-фински) мы начинали провожать Старый год различными приготовленными по русским рецептам вкусностями. В обязательное меню входило: оливье, селедка под шубой, икра. Все остальное по просьбе… и с учетом…

Проводили.

А без десяти одиннадцать, усевшись поудобнее в кресло, стали ждать выступление президента Путина. Пекка тоже ждал.

– Нет, все-таки молодцы ваши президенты, народ поздравляют, значит, уважают вас! А у нас что!? Только мэр Хельсинки и сподобится к народу выйти. Разницу чувствуешь?

Все выступление Путина Пекка стойко молчал, а вернее витал где-то, русский Пекка понимает слабовато. Но как только зазвучали куранты, мы лихорадочно начали разливать шампанское и загадывать желания…

Загадали, под последний удар чокнулись и выпили первый бокал!

– Дорогая, это тебе! – Пекка протянул мне красивую брендовую коробочку «Kalevala»…

– Милый, а это тебе, – и я отдала Пекке свой подарок,

красиво упакованную бутылку водки «Путинка», знала, что он из многих сортов предпочитает этот или «Чайковский».

Открыла коробочку, на синем бархате лежала бронзовая рыбка – брошь. Не то шампанское ударило в голову, не то просто показалось, но рыбка не просто лежала, она слегка трепыхалась и хотела выпрыгнуть. Я в испуге захлопнула коробочку.

Настроение было приподнятое, по телевизору шел новогодний «Голубой огонек». На улице стоял грохот фейерверков и ракет, небо вспыхивало, сияло огнями, вот-вот скоро и финский Новый год настанет!

Он и настал. Только я уже успела уснуть. Мой вежливый и уже за эти годы выдрессированный муж будить меня не стал. Как он сказал на следующее утро: «Что будить-то по пустякам». Отнес соню в спальню, подарок положил рядом на столик – открыл коробочку, вдруг золотце ночью проснется и опять порадуется.

Вода была приятно прохладной, я плыла так свободно и естественно, будто танцевала. Где-то наверху сквозь голубую толщу воды проглядывало солнце, но здесь, в глубине было столько всего интересного. Водоросли были почему-то разноцветными, ах да, тоже к Новому году разукрасились! Проплывающие мимо рыбки были какими-то средиземноморскими – цветными, пестрыми, диковинными, они сверкали чешуйками, весело переглядывались. Наверное, спешили на

новогодний маскарад. Одна из них даже что-то мне крикнула, но беззвучно, просто открывая рот – ААА…. ООО… Я поняла: «Айно, Айно, поплыли с нами!»

Посмотрела на себя – рыбий хвост. Так я теперь русалка Айно – дева царицы морей Велламо и царя пучины Ахто?! Ну, чудеса! Наши обитатели холодного финского моря, тоже празднуют Новый год! Нарядились, разукрасились.

А тут и морской конек рядышком нарисовался, вроде как локоток подставляет, мол, составь пару. Смотрю и ду-

маю, наверняка щука переодетая. Откуда здесь морским конькам быть!? Нет уж, нет уж – без меня! Знаем мы таких хищников, и новогоднее настроение не спасет.

А тут хорошо! Тихо, свободно. Мысли, заботы не одолевают. А красота-то какая! Водоросли будто шелковые, танцуют свой танец с морскими звездами, их окутывают переливающиеся разными цветами стаи мелких рыбок.

О! Что-то внизу блеснуло. Пригляделась, затонувшая деревянная лодка. А на дне… приблизилась – золотой браслетик. Ой, так это же мой браслетик! Я его года три назад потеряла. Вспомнила, как печалилась, убивалась – подарок от Пекки на восьмое марта. Он тоже расстроился тогда, говорил: – нет такого праздника в Финляндии, значит, и подарок был ни к чему. Все у вас, у русских, не как у всех…

Где-то прозвучало очень знакомое: Девять часов ноль-ноль минут. Откуда здесь, в глубине морской, эти звуки!? Посмотрела наверх, солнце было на месте, вернула взгляд

к лодке, но ее уже не было. Видно, меня течением отнесло. Или, может, привиделось и лодка, и браслет, и чей-то голос?

И вдруг что-то меня перевернуло, дернуло, и я почувствовала, что движения мои стали скованны и что-то тащит меня наверх. Точно, я угодила в чьи-то сети. Барахталась, сопротивлялась, не хотела.

Так это, наверное, Вяйнемёйнен меня поймал, чтобы приготовить еду. Ведь разделывать начнет.

– Ой, не хочу!!! – закричала.

И опять услышал: Десять часов ноль-ноль минут.

Открыла глаза, Пекка крепко сжимал меня в объятиях. С кухни доносился аромат кофе.

– А, это ты! С Новым годом, дорогой!

– С Новым Счастьем, любимая!

– Слушай, Пекка, а где наша старая лодка?

– Так в сарае на даче, а зачем тебе?

– Да Айно во сне видела… ну то есть я видела, знаешь, а надо бы «Калевалу» перечитать, смотришь, еще что-нибудь отыщется.

И вот после боя курантов Новый год я получила от мужа подарок – украшения из серии «Калевала».

Брошь из бронзы серии Suomuhauki.

Калевала для ленивых
Из Андерса Ларссона

Зинаида Линден *(Турку)*

Если кто достоин званья
прирожденного героя,
это Вяйне, Вяйнемёйнен.
Среди славных калевальцев
отрок был на все гораздый,
даровитый был подросток.
Совершал он все деянья,
о которых толковали.
Все в руках его спорилось,
все успехами венчалось
неприятелям на зависть.

Брался дать прогноз погоды —
выходило так эпично
или вовсе непонятно,
как на фресках модернистов.
Брал он в руку щучий остов,
полусгнивший и беззубый —
тут же силой колдовскою
эти бренные останки
превращались в балалайку.

Кроль ли, брасс ли,
конный спорт ли —
все играючи освоил
вековечный Вяйнемёйнен.
Удалому фехтованье,
ловля рыбы, волхвованье
были, как другим – чиханье.

Предки Вяйне тоже были
удальцы, не лыком шиты.
Маме Ильматар роднею
приходился свод небесный,
был отец попроще званьем,
хоть волной качал он сушу.
В круговерти страсти пара
растворялась без остатка,
дочь воздушного пространства
с другом сердца забавлялась,
и смеялась, и резвилась,
ночь за ночью проводила,
нежась в пене, отдыхала
в ожиданье новых вихрей.

Происшедший от союза
двух божественных созданий,
что отплясывали лихо
на моднейших танцплощадках,
плод любви нередко может
стать недюжинным талантом

и почти что вундеркиндом,
и во всем – акселератом.

Мама Вяйне пропадала
постоянно на работе,
у творца вселенной Укко
состояла завотделом.
Воздух Ильматар был вверен.
При содействии девицы
обустроил Укко Землю,
запустил на ней стартапы,
жизнь вдохнул во все, что создал.
Маме было не до родов.
Тридцать лет провел в утробе
старый, верный Вяйнемёйнен.

Выйдя, был уж с бородою.
Рассуждал он очень зрело
о политике, о скачках.
Стремя, семя – все подвластно
было бравому дитяте.
Несмышленышей чураясь,
к самому владыке Укко
обращался с наставленьем.
Детвора ему давала
лет четыреста, не меньше.

Распевал он неумолчно,
сочинял хиты всечасно,

и дивились калевальцы
текстам чудного подростка.
Темам тоже дивовались:
песнопевец не страшился
затруднительных предметов.
Например, о жизни пел он —
жизнь как явь и как химера,
как могла б она сложиться,
будь на то людская воля,
будь на то людское право.

Kalevala för Lata

Anders Larsson

För om nån ska kunna kallas
hjälte är det Väinämöinen
eller Väinö som han kallades
av Kalevalaborna —
för den gossen var en boren
mästare på nästan allting.
Ensam stod han för minst halva
bygdens samlade bedrifter.
Ja, så rikt begåvad var han att
det gjorde ont i många
Allt han tog i eller tänkte på
fi ck liksom guldkant runt sig.

Skulle han med några enkla
ord beskriva vanligt väder
kunde det bli nästan som en
nationalromantisk tavla
eller till och med som något
obegripligt modernistiskt.
Fick han i sin hand ett huvud
av en gammal skrutten gädda,
var den benhögen på nolltid
omgjord till en balalajka.

Simning, ridning, trolleri och
träbåtsbyggeri och segling,
det var nästan larvigt enkelt
för en sån som Väinämöinen.
Fäktning, fi ske, sång och diktning
var så självklart lätt för honom
att det bara kom, som… gäspningar
och svett hos alla andra.

Men så var föräldrarna nu
inga dussinmänniskor heller.
Mamma Ilmatar var luftgudinna,
släkt med hela himlen,
fadern var av vanligt vatten,
men en veritabel stormvåg.
Paret hade mötts i bruset
av sin ungdoms vilda vågsvall
hon en liten fl äkt av himlen,
han på drift i livets strömmar —
hade skrattat, skrikit, dansat,
lekt sig genom några nätter,
sedan legat där i skum en
stund tills nya virvlar sugit.

Och med sådana föräldrar —
mänskogudar, halvgudinnor,
ungdomsglada kärlekspar som
slagit volt på vilda danshak —

blir man gärna lite särbegåvad,
full av konster, under.
Kärleksbarn till gudar blir det.
De blir ofta försigkomna.

Och så var det det att mamma
Ilmatar var yrkeskvinna
hade heltidstjänst på
luftavdelningen hos överguden
Ukko, hjälpte honom med att
skapa själva jorden åt oss,
starta upp och få igång det
allra viktigaste livet.
Så hon hade inte tid att föda
fram den lille Väinö
förrän han var över tretti
år och hade bas och helskägg.

Ja, han kunde genast prata
som en medelålders vuxen,
hade kläm på havresådd och
politik och hästkapplöpning,
hade synpunkter på vädret,
gav små tips åt själve Ukko,
som han föredrog att prata
med i stället för med småglin.
Det fanns barn som påstod att han
sagt att han var fyra hundra.

Och så sjöng han hela tiden,
satte hop en massa låtar,
skön musik och bra refränger,
sånt som fastnade på hjärnan.
Ungen kunde sjunga så det
fl addrade om öronen och
alla, hela Kalevala,
talade om Väinös texter.
För han sjöng om svåra saker,
sånt som alla undrat över,
livet, till exempel, hur det
är och hur det kunde vara.

Завет блаженного Магнуса

Евгений Лукин

Сказание о том, как однажды
финский путешественник Элиас Лённрот
отправился на русский остров Валаам,
где посетил монастырское кладбище,
и что потом из этого вышло.

Я отправился однажды
По дороге корабельной
Через Ладожское море
В Валаамский монастырь.
Поклонился там святыням
Под крестовым сводом синим,
А затем побрел смиренно
На ухоженный погост.

Вот и белая ограда
монастырского кладбища,
Где на башенках старинных
В трубы ангелы трубят.
Плещет Ладога волною,
И трепещет клен листвою,
А на бугорках могильных
Блещут камушки вокруг.

И под камушком под каждым
Прах покоится священный:
Здесь прославленный игумен,
Там послушник, там монах.
А в глухом углу еловом
Под окатышем лиловым
Возлежит блаженный Магнус —
Шведский доблестный король.

Был окатыш зацелован
Синей ладожской волною,
Был окатыш околдован
Русской вязью расписной:
«Вместо царской диадимы
Удостоился я схимы
И, три дня прожив под схимой,
Упокоился навек».

Я спросил седого старца,
Говорившего по-фински:
«Поясни мне эту надпись,
Расколдуй чужую вязь!»
Мне сказал седой отшельник:
«Каждый ведает насельник
Это древнее сказанье,
Эту вековую быль.

Жил да был на свете Магнус —

Шведский доблестный воитель:
Что ни день сражался в битвах,
Что ни день сверкал мечом.
Как-то раз с огромным флотом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.